

44 главы о 4 мужчинах

Автор:

[Биби Истон](#)

44 главы о 4 мужчинах

Биби Истон

Всё о моих мужчинах

Биби около 10 лет замужем за Кеном, высоким, эффектным шатеном, финансистом. У них счастливый брак, хороший дом, двое детей. Биби не хватает только одного – разнообразия сексуальной жизни. Ее темперамент и энтузиазм заметно превосходят желания мужа.

В попытках что-либо изменить Биби начинает вести интимный дневник, вспоминая дни своей бурной молодости: байкеры, панк-рокеры, отчаянный и безбашенный секс, веселье и рок-н-ролл.

Когда муж случайно находит ее дневник, Биби по совету подруги, доктора психологии, начинает писать в нем еще и выдуманные истории с целью пробудить в муже эмоции – желание, ревность, интерес.

Из-под пера Биби выходят четыре истории. Про отвязного Рыцаря, ее бойфренда в старших классах. Про типичного плохого парня Харли, который был после. Про рок-звезду Ганса. А также про самого Кена Истона, ее главного мужчину, ставшего законным супругом.

Биби Истон

44 главы о 4 мужчинах

Я собиралась посвятить эту книгу своему мужу, но, поскольку он не знает и никогда, ни за что не должен узнать о ее существовании, я решила вместо этого посвятить ее тебе, мой дорогой читатель.

B.B. Easton

44 CHAPTERS ABOUT 4 MEN

Copyright © 2016. 44 Chapters About 4 Men by B.B. Easton

В оформлении обложки использованы фотографии:

© Jaroslav Monchak, Tony Bowler, nakaridore, Anatoliy Karlyuk / Shutterstock.com

© Бялко А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Примечание автора

Эта книга основана на подлинных событиях, которые были приукрашены, преувеличены и размыты ради забавы и/или из-за обыкновения автора писать спьяну и не проспавшись. Все имена, места и характеры изменены, чтобы защитить личности всех прототипов. Если вам удастся расшифровать настоящую личность мистера Истона или любого другого героя этой книги, автор просит любезно предоставить ей перечень ваших требований в обмен на ваше молчание.

Из-за своей тупости, вульгарности и сексуального содержания эта книга не предназначена детям, и, вероятно, должна быть полностью скрыта, от всех, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Предисловие

В общем, так. Даже если вы не получите от этого никакой пользы, по крайней мере, вы сможете сказать своим друзьям, что вам посвятили книжку.

И, между прочим, целый роман. А не какой-то там паршивый рассказик.

По крайней мере, хоть это я могу для вас сделать. В конце концов, именно ради вас я и решила опубликовать эту кучу личных записей, своих дневников, почты и непристойностей. Это жуткое решение (одно из многих жутких решений, о которых вы скоро прочтете), но я делаю это для вас.

Видите ли, я школьный психолог, так что коррекция поведения – это, типа, моя работа. Хотите, чтобы ваш ребенок перестал вести себя как козел? Вам ко мне. Хотите понять, есть ли у малыша Джонни аутизм или он просто всерьез увлекся игрой в Майнкрафт? Напустите на него меня. Но если вы хотите узнать, как извлечь из вашего холодного, отстраненного, отказывающегося от общения партнера хотя бы каплю привязанности... Хм...

Черт меня побери, если я знаю. В 2013 году мой брак больше напоминал отношения между диваном и его владельцем, чем между мужем и женой, и становился только хуже. До того дня, который изменил все, – до того дня, когда Кеннет Истон начал читать мой дневник.

И тут я обнаружила инновационную психологическую технику, такую простую, дурацкую и прекрасную, что она за несколько месяцев превратила моего интровертного, любящего цифры мужа в страстного сексуального партнера.

Я была в таком восторге, что собрала свои записи и под покровом ночи систематизировала их. Мне хотелось рассеивать копии этой Франкенкниги над землей и морями, чтобы ее увидел каждый несчастный, тонущий в унылом, затянувшемся браке. «Надежда есть! – кричала бы я в темноту из украденного сельскохозяйственного самолета для распыления, расшвыривая копии. – Вам больше не надо мириться с унылым дерьмом!»

Но вместо того, чтобы выучиться на пилота кукурузника для распространения своего труда, я решила сделать нечто более солидное по качеству. Я решила все это ОПУБЛИКОВАТЬ.

Понятно, что меня могут уволить, вручить повестку в суд по делу о разводе и/или приговорить к обязательному посещению родительских курсов Отдела Защиты Семьи и Детства (которые будет крайне трудно посещать, если меня лишат водительских прав), едва хоть кто-то, с кем я знакома, прочтет все это дело, но моим девизом всегда было: «Последствия-шмоследствия». (Очевидно, именно этим и объясняется большинство событий этой книги.)

Я надеюсь, что-то из прочитанного тут поможет вам вдохнуть немного жизни в ваши коматозные отношения. Я надеюсь, вы хотя бы ненадолго отвлечетесь от собственной жизни, чтобы посмеяться над моей. Но, если не получится даже это, вы всегда сможете сказать своим друзьям, что Биби Истон посвятила вам свои мемуары... И это будет круто целых полторы секунды, пока ваши друзья не спросят: «Биби кто?»

Краткий словарь

(Вебстер, дайте знать, если вам тут что-то понравилось)

Вандалический (прил.) – склонный к вандализму. В общем, чуть более красивая секси-форма слова вандальный.

Вразья (сущ., мн. ч.) – враги? Друзья? Зависит от времени суток и количества употребленного алкоголя.

Жопистон (сущ.) – комбинация слова «пистон» с другим. Пример: «Биби Истон через тридцать секунд вставит тебе жопистон, если ты не отвалишь от ее бойфренда».

Злений (сущ.) – 1. Гибрид злодея и гения. 2. Злобный гений. 3. Представьте тут Сару Сноу.

Крутость (сущ.) – поведение того, кто крутой – мятежный, дерзкий и пугающий.

Ледифренд (сущ.) – друг женского пола, которого ты не хочешь называть подружкой, потому что ты достаточно чувствительна, чтобы понимать, что черные девочки терпеть не могут, когда белые называют их подружками.

Любимейший (прил.) – дурацкий способ говорить «самый любимый».

Мубот (сущ.) – женатый человек, который больше похож на робота, чем на человека. Этот киборг обычно послушен, целенаправлен, интровертен, ригиден в своем подчинении правилам и распорядкам, сексуально безразличен и против любых развлечений.

Мубошир (сущ.) – женатый человек, которого должно было бы тошнить от старой, вытертой вагины его жены, но который вместо этого ведет себя как ненасытная секс-машина, которая только что занюхала дорожку кокаина.

Менфренд (сущ.) – любовник, который уже достаточно взрослый и сильно старше тебя, так что термин бойфренд кажется тут глупым и неподходящим, как и сами эти отношения.

Недерьмово (прил.) – необязательно что-то милое, но и не совсем дерьмо.

Нищобродство (сущ.) – 1. Состояние нищеты. 2. Когда кто-то перебивается без постоянной работы и жилья, но при этом носит кожаные штаны и полузаконченные татуировки.

Потусторонний (прил.) – находящийся в аду.

Сталка (сущ.) – персонаж, на котором зацикливается сталкер.

Трубилей (сущ.) – ежегодное отмечание даты, когда чей-то партнер (мужского пола), который обычно не шевелится во время занятий сексом, словно незаинтересованный предмет, вдруг начинает заниматься любовью. Отмечание может включать (а может не включать) минуту молчания.

Туберкулезничать (гл.) – находиться в состоянии заражения туберкулезом.

Фансексостически (прил.) – так звучат слова фантастически и сексуально, когда их произносит кто-то, выпивший слишком много пино гриджио.

Франкенкнига (сущ.) – невнятная куча дневниковых записей, писем, фотографий, непристойных стишков и порнографических рассказов, которые какой-то идиот сложил вместе и попытался выдать за книгу.

Чувстлен (сущ.) – см. Эморекция.

Швайнфест (сущ.) – тусовка, состоящая в основном из членоносителей.

Эморекция (сущ.) – пенис, который отзывается в большей степени на эмоциональный, а не физический или визуальный стимул.

1. Мубот

Тайный дневник Биби

Дорогой Дневник.

Этот придурок меня убивает.

Он только что вышел из душа. Он так близко, что я чувствую запах его геля для душа – «Ирландская весна». Его влажные волосы очень сексуальны, а борода как раз идеальной длины – достаточно длинная, чтобы быть мягкой, но не настолько, чтобы скрывать прекрасно вылепленные черты. Майка так облегает его бицепсы и натягивается на ровных выпуклостях груди... Я могу смотреть на него всю ночь. Собственно, я и смотрю – уголком глаза. Но мне этого мало.

Я хочу его трогать.

За те полчаса, что он плюхнулся рядом со мной и воткнулся в игру в телефоне, я придумала тысячу и один способ дотронуться и приласкать его. Я могу сплести свои пальцы с его или провести рукой по его твердой квадратной челюсти. А еще я могу игриво провести кончиками пальцев с мятно-зелеными ноготками по мускулам груди, а потом, когда привлеку его внимание, смогу оседлать его влажное, чистое, твердое тело и запустить те самые кончики пальцев во влажные волосы.

Но я ни фига такого не делаю, потому что знаю, что получу в ответ косой взгляд и движение в противоположную сторону.

Мой муж – скала. Не в том смысле, что «Он такой сильный и надежный. Не знаю, что бы я делала без него». А больше типа «Он, сволочь, такой холодный. Не знаю, есть ли у него вообще пульс». Представляешь, Дневник, Кен даже никогда не берет меня за руку. По крайней мере, специально. Когда он был без сознания, я, конечно, держала его руку, но, будучи в состоянии бодрствования, Кен всегда вежливо выносит неудобство человеческого контакта, ну, скажем, пять с половиной секунд, а затем настойчиво извлекает свою мягкую, вялую ладонь из моего захвата.

И с сексом у нас примерно то же самое. Будучи джентльменом, Кен будет лежать на спине, предоставляя мне делать с ним, что хочу, и время от времени занимаясь минимально положенным петтингом. (Даже когда я старалась развлечь его и воссоздать сцену с мороженым из «Пятидесяти оттенков серого». В его защиту я могу сказать, что роль Кристиана играла я, потому что Кен, понятно, не знал сценария. И, надо признать, шум радионяни – не слишком возбуждающая музыка. И у нас дома почему-то никогда нет ванильного

мороженого, как в книге. Мне пришлось взять вишневое с орехами, а его довольно трудно слизывать, потому что надо жевать все это в процессе. Но все равно. Хотя бы немного участия с его стороны не помешало бы.)

И уж точно вне зависимости от уровня представления я потом всегда целую и обнимаю прекрасное тело Кена, стараясь выдавить из этого утеса в форме мужчины хотя бы толику человеческого тепла. И все это время я буквально слышу, как он считает про себя – тысяча один, тысяча два, тысяча три, – прежде чем похлопать меня по заднице, намекая, чтобы я наконец от него отвязалась.

По крайней мере, так все это выглядит.

Проблема Кена не в том, что он холоден – ему не нужно ни страсти, ни желания, ни способности к близости. И именно эти качества сохраняют наш брак в стабильном состоянии и без всяких драм. Этот человек никогда ничего не нарушает.

Кеннет Истон стрижет газон, платит по счетам, соблюдает закон, осторожно водит машину, сортирует мусор. Он мубот. То есть такой киборг, созданный специально для того, чтобы вынести от семидесяти до восьмидесяти лет беспорочного брака. Я в жизни не видела, чтобы он хотя бы взглянул в сторону другой женщины. Господи, да я даже на вранье его никогда не ловила.

Нет, проблема Кена в том, что он женился на мне.

Знаешь, Дневник, до встречи с Кеном я закручивалась в семьдесят три процента позиций Кама-сутры. Я сбрила большую часть волос с головы и вдела пирсинг во все части своего организма до того, как меня стали пускать на фильмы для совершеннолетних. Я проводила свободное время прикованной к разным предметам парнями, на которых было больше татуировок, чем на всех посетителях рок-концерта, взятых вместе. Кен не шел с ними ни в какое сравнение.

Так почему же, спросите вы, такая мелкая шлюшка, как я, взяла и вышла за такого добропорядочного человека?

Да все из-за них. Из-за того, как подсакивал мой адреналин и расширялись зрачки всякий раз, как только я чуяла этот удушливо-сладковато-мускусный

запах одеколона «Obsession for Men» от Келвина Кляйна. Из-за того, что вид проколотой нижней губы вызывает у меня желание снова начать курить. Из-за того, что, когда я вижу руку, покрытую татуировкой, мне хочется прыгнуть в автобус и бросить все, чего я с таким трудом добилась, прямо тут, в этом болотце возле дороги. Потому что к моменту, когда я встретила Кена, мои нервы были ни к черту, мое сердце еле пытело, и та стабильность, безопасность и нормальность, которые он мог мне предложить, стали целительным бальзамом для моей издерганной, траченой души.

Все эти покрытые чернилами мужики-дети из моего прошлого, может, и были отчаянными любовниками, но они не могли удержать ни свой член в штанах, ни свою задницу от тюрьмы, ни положительный баланс на своем банковском счету даже ради спасения собственной жизни. А Кен, напротив, был таким... простым, надежным и ответственным. Он носил «найки» и майки из «Гэпа». Его дом находился в его собственности. Он бегал по утрам. Его уголовное прошлое было таким же чистым, как его веснушчатые щеки. И в довершение всего у него была степень по... погодите... по бухучету.

Наверное, мне надо все же внести кой-какие поправки.

Поймите меня правильно. Я готова целовать пыль под ногами Кеннета Истона. Он – мой лучший друг, он – отец моих детей, и мы с ним на самом деле счастливы до смешного. Ну или, по крайней мере, я. Правда. Я счастлива. Ведь можно же быть счастливой и одновременно умирающей от скуки? Это называется слезы счастья. Счастливые, скучные – такие скучные слезы. Кен не склонен радоваться жизни и довольно уныл, так что трудно сказать, что он чувствует. Я предпочитаю думать, что он тоже счастлив. Но будем честны. Возможно, у Кена вообще нет никаких чувств.

Но что у него точно есть, так это квадратная челюсть с маленькой ямкой, в стиле Капитана Америка, и постоянная легкая щетина. И высокие скулы всем на зависть. И голубые глаза, окаймленные кофейными ресницами, и светло-песочные волосы как раз такой длины, что спереди получается такой классный небольшой вихор. У него стройное мускулистое тело. И суховатое чувство юмора. Он блестящ, не зациклен на себе и легко переносит все мои придури.

Этот мужчина идеален для меня. Как минимум на девяносто процентов. Но в последнее время я не могу думать ни о чем другом, кроме как об этих несчастных меньше-чем-десяти-процентах, которых не хватает, – страсть и

татуировки. Две вещи, которые мне надо было бы оплакать и забыть, чтобы сохранить мой прекрасный стабильный брак.

Но я не могу.

Татуированные плохие парни – это как наркотик, с которого я не могу слезть. Я поглощаю дурацкие любовные романы с антигероями, как будто это предписанная мне диета. В моем айфоне полно песен тысяч пыльных, татуированных рокеров из прошлого, готовых заполнить мою голову по одному нажатию кнопки, когда бы мне ни вступило. У меня куча кино про таинственных вампиров, преступных байкеров, самовлюбленных рок-звезд и переживших зомби-апокалипсис – альфа-самцов, в чьи покрытые татуировкой объятия я убегаю, когда мир вокруг становится слишком... домашним.

И знаете, что я поняла во время этих своих побегов в воображаемое преступное сообщество и на выдуманный бойцовский ринг андерграунда? Я же знаю этих мужчин. Я встречалась с ними – со скинхедом, ставшим морским десантником, а потом основавшим незаконный клуб мотогонщиков, с отсидевшим срок стритрейсером с настроением идите-все-к-черту, с чувствительным бас-гитаристом, играющим хеви-метал...

Дневник, они же у меня все были. Как я раньше не замечала сходства между мужчинами своих фантазий и своими бывшими приятелями? А еще называю себя психологом!

Вообще-то я, скорее всего, и стала психологом из-за Рыцаря, моего бойфренда в старших классах школы. Чертов псих. Я расскажу о нем завтра. Кен собирается ложиться спать, а это значит, что у меня есть только пять минут на то, чтобы забраться в постель и поприставать к нему до того, как исторический канал усыпит его напрочь. Пожелай мне удачи!

2

Скелетон

Тайный дневник Биби

Рыцарь, Рыцарь-Рыцарь... С чего же мне начать, а, Дневник? Быть подружкой Рыцаря было почти то же самое, что жертвой похищения со Стокгольмским синдромом. Меня вообще не спросили – Рыцарь решил, что я его, и никто не мог сказать Рыцарю – нет. Но со временем я перестала его бояться, и мы подружились, а потом я даже полюбила своего захватчика с его тенденцией к психопатии и всем прочим.

Рыцарь был скинхедом. Поправка: он был тем самым скинхедом – единственным на всю нашу провинциальную округу трех пригородов Атланты, чтоб быть точной. Он был настолько невероятно зол на весь мир, что больше никто, ни из какой группировки злобных-белых-мужчин в Старшей Школе Персикового Округа не мог с ним сравниться. Джоки слишком любили кучковаться. Панки, наиболее буйные и агрессивные, были излишне веселы. Детишки-готы были просто отсосы. Нет, ярость Рыцаря оказалась столь всепоглощающей, что ему ничего не оставалось, кроме как вступить в группировку с девизом: «Я пришибу тебя, а потом оторву тебе руку и добыю тебя ею только за то, что ты дышишь со мной одним воздухом». И все школьные годы он оставался единственным членом этой группировки.

Я думаю, что ярость появилась у него с самого момента рождения, когда это тупое убожество, которым была его мать, назвало его Рональд МакНайт. Шел 1981 год, и, зная Кенди, можно представить себе, что она наверняка пыталась впечатлить того женатого биржевика, который ее обрюхатил, назвав отпрыска в честь самого знаменитого республиканца, которого она только знала. (Имеется в виду Рональд Рейган, тогдашний Президент США.) А дальше, надо полагать, после лет, проведенных в качестве груши для битья у постоянно меняющихся, наверняка женатых приятелей Кенди, абьюзеров и алкоголиков, чувствуя себя тяжким бременем на плечах женщины, которая предпочитала собственному сыну все, что угодно, и в довершение всего будучи вынужденным выслушивать бесконечные шутки про Рональда МакДональда, Рональд стал Рыцарем, а Рыцарь превратился в наводящий ужас кошмар.

У Рыцаря был такой симпатичный мальчишеский облик и заметное сходство с Эминемом – чистая кожа, короткий ежик платиново-светлых волос и почти

бесцветные ресницы и брови. Но это призрачное бесцветие резко нарушали его пронзительные, ярко-голубые, ледяные глаза.

Рыцарь был худым, но крепко сложенным. Как уличный боец. Он никогда не пропускал уроки в спортзале (как будто в общественных школах больше нечему было учить) и однажды выиграл три сотни долларов у всей футбольной команды, подняв на спор штангу в полторы сотни килограммов весом – больше чем вдвое превышающую его собственный вес.

Какую бы историю он ни рассказывал, там неизменно была присказка: «Дело не в размере собаки в драке. Дело в размере драки в собаке».

И я вам так скажу – в самом Рональде МакНайте (или Скелетоне, как его называли в Старшей Персиковой, хотя никогда не осмеливались называть так в лицо) этой самой драки было выше головы.

Еще забавней того, что Рыцарь оказался единственным скинхедом в городе, было то, что он совсем не был расистом. Я никогда не слышала от него никакой арийской фигни и не видела, чтоб он носил какие-нибудь типичные нацистские цацки. У него в жизни не водилось ни свастика, ни железных крестов.

Уже тогда имея склонность к психологии, я так заинтересовалась отсутствием фашистской символики, что набралась храбрости и однажды спросила его об этом.

Вместо того чтобы вскинуть руку в воздух, салютуя «Зиг Хайль», Рыцарь быстро огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. После чего, наклонясь ко мне так близко, что я почувствовала на шее его дыхание, он прошептал: «Вообще-то я не расист. Я просто всех ненавижу».

И я ему поверила. Этот засранец действительно ненавидел всех.

Ну, или я так думала.

В 1996 году на планете жило пять миллиардов человек. Рональд «Рыцарь» МакНайт ненавидел четыре миллиарда девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять из них. Он

ненавидел своих родителей. Терпеть не мог друзей. Нарочно оскорблял незнакомых. Но, по какой-то непонятной причине, Рыцарь решил, что ему нравлюсь я. А быть единственным человеком, который нравится самому жуткому мальчику на планете, не так-то легко.

Когда я впервые встретила Рональда МакНайта, я была бесприютной, веснушчатой старшеклассницей с оленьими глазами, копной волнистых светло-рыжих волос до плеч и дурацкой влюбленностью в Короля Панков, Ланса Хайтауэра. Я стригла волосы все короче и короче, добавляла все новые булавки на свой рюкзак и толстовку и пыталась во время обеда сантиметр за сантиметром подсесть поближе к Лансу за их элитным панковско-готским столом, где он председательствовал с самого первого школьного дня. (Как потом выяснилось, Ланс был совершенным и окончательным геем. Лучше бы я узнала это до того, как сбрила большую часть своих волос и сделала множество пирсингов в своих все возрастающих попытках ему понравиться.)

Рыцарь, который учился в предпоследнем классе, оказался за нашим столом случайно. Поскольку больше скинхедов в школе не было, панки привечали его, как ручную гремучую змею. День за днем он сидел, нахмутив брови и опустив голову, скреб вилкой по тарелке и время от времени бормотал: «Отвали», когда кто-то смел к нему обращаться.

Одним прекрасным сентябрьским днем я случайно услышала, как одна старшеклассница сказала за нашим столом своему покрытому пирсингом приятелю, что у Скелетона сегодня день рождения. (До сих пор не представляю, как кто-то мог об этом узнать, если только Рыцарь не проговорился об этом сам в качестве доказательства того, как ужасна его жизнь. Я могу себе представить что-то вроде: «Я на фиг не могу поверить, что моя чертова мать-шлюха сперла все мои сигареты и смотала из города со своим дебилом-муженьком в мой долбаный день рождения. Эй, козел, чего ты вылупился?») Ну я и купила ему сэндвич с курицей.

Подойдя к столу с широкой улыбкой (надо сказать, я всегда была отвратительно бодрой и восторженной, и из меня могла бы выйти отличная чирлидерша, если бы я не была одновременно неловкой и полной протеста), я сунула ему этот сэндвич в лицо и завопила: «С днем рождения!»

В ответ Рыцарь поднял вечно хмурое лицо и пригвоздил меня к месту взглядом, похожим на две пронзительные вспышки голубого лазера. Я замерла, не в силах

сделать вдох и с опозданием понимая, что только что ткнула пальцем гремучую змею.

Пока я собиралась с мужеством, готовясь к ответным действиям, злобная ухмылка Рыцаря вдруг смягчилась, скользнула куда-то вбок и исчезла прямо у меня на глазах.

Его брови, всегда сильно нахмуренные, разгладились и удивленно приподнялись. Ледяные глаза расширились, а губы приоткрылись в безмолвном выдохе. На его лице появилось душераздирающее выражение недоверия и благодарности. Как будто этот парень по кличке Скелетон никогда в жизни не получал подарков на день рождения. Я буквально слышала, как его доспехи с грохотом падают на пол, а передо мной стоит некто беззащитный, одинокий и несчастный.

Я не могла вымолвить ни слова. Не помнила, как дышать. Когда мои легкие начали гореть, я наконец оторвала от него взгляд и втянула в себя порцию воздуха, делая вид, что люблюсь своими новыми «мартенсами» (еще одна покупка, сделанная во имя соблазна Ланса Хайтауэра), но было поздно. За эти секунды я увидела все. Жизнь, полную боли, жажду признания и цунами любви, только ждущих ту самую персону, которая окажется достаточно смелой – или достаточно глупой, – чтобы подойти поближе.

Я ожидала, что он подымет с пола доспехи и вернется к своей мрачности – в конце-то концов, подумаешь, дурацкий сэндвич, – но, к моему изумлению и ужасу, Рыцарь встал, указал на меня и заорал всем, сидящим за столом: «Вот почему Биби – единственный чертов человек на этой планете, которого я могу выносить! Никто из вас, козлов, даже не подумал про мой день рождения! – Обведя всех и каждого пронзительным взглядом и напугав до усрачки, он закончил: – Как же я вас всех ненавижу!»

У Скелетона была тяга к драме.

Оцепенев, я беспомощно наблюдала, как он снова опустился на скамью с довольной улыбкой только что нажравшегося льва, явно удовлетворенный сценой, которую устроил, и потрясенным молчанием, воцарившимся в столовой. Я стояла во всем зале одна, как дура, и все пялились на меня, включая Рыцаря, который взирал на меня с широкой, хищной улыбкой Чеширского кота.

Внезапно мне захотелось отменить покупку.

Видишь ли, Дневник, я-то думала, что покупаю только куриный сэндвич и, может быть, если повезет, немножко хорошего отношения от парня, который хотел Убить-Вас-Всех-Доской-Со-Ржавыми Гвоздями. Только-то.

Рыцарь мне даже не нравился. Я не хотела с ним дружить (если представить, что это возможно в принципе). Он был злобным и страшным, и все, чего бы мне хотелось, так это чтобы он не орал на меня и не убивал. Кто бы мог подумать, что дурацкие полтора доллара купят мне это неизменное, обсессивное, постоянное обожание единственного в городе скинхеда?

И пока я стояла там, скрестив свои большие зеленые глаза с пронзительным голубым взором Рыцаря, стало ясно, что он собирается сделать меня своей, хочу я того или нет.

И поначалу я совершенно точно этого не хотела.

3

Вразья

Тайный дневник Биби

До старшей школы я вообще целовалась только однажды – с Колтоном. Он был из тех адски симпатичных плохих парней с торчащими волосами, и я встречалась с ним в восьмом классе. Когда я говорю «встречалась», я имею в виду, что мы перезванивались, держались за руки в школе и на Хеллоуин вместе украшали дом туалетной бумагой. Колтон напоминал мне мужскую фею – не в смысле гея, а в смысле такое остроухое существо со взъерошенной копной волос и злобным блеском глаз.

Черт. Погодите, это же я представляю себе Питера Пэна.

Ну да, Колтон напоминал мне Питера Пэна, такого секси, шkodливого Короля Потерянных Мальчиков.

Колтон жил вместе со своей замызганной, печальной матерью-одиночкой Пегги, которая, кажется, никогда не работала меньше чем на четырех работах. Пегги была тощей как жердь, с длинными, мутно-сероватыми светлыми волосами. Она без проблем помещалась в свой облегающий, приталенный гардероб 1983 года. В ее тонких, трясущихся пальцах всегда была такая же длинная сигарета «Вирджиния слимс», а голос был таким хриплым, как будто она проводила целые дни, не обмолвившись ни с кем ни словом.

На Пегги было буквально написано, что в восьмидесятые она была музыкальной фанаткой, так что, насколько я знаю, отцом Колтона был один из основателей группы «Whitesnake». Но, кем был он ни был, его дом в Лас-Вегасе наверняка в разы лучше той дыры, где жила Пегги. И поэтому Колтон никогда не оставался с ней дольше чем на несколько месяцев подряд.

Во время последнего пребывания Колтона у Пегги, они практически усыновили Рыцаря – отчасти потому, что жалели его за несчастную жизнь дома, но еще и, как я подозревала, потому что у него была машина.

А потом, по своему обычаю, всего через два месяца после начала второго учебного года в старших классах, Колтон уселся в международный автобус и отвалил в Лас-Вегас, оставив Пегги одну. И, поскольку ей нужен был сын, а Рыцарю – другая мама, он так и продолжал после школы возвращаться туда, как будто бы Колтон никуда не девался.

Вообще-то это было довольно мило. Рыцарь гулял с престарелой овчаркой Пегги и чинил все прогнившие, заплесневелые места в ее доме, пока она работала на одной из своих сорока семи временных работ. Он никогда не просил ничего взамен, но получил... ключ от ее дома.

Это было круто – не сам дом, ясное дело. Дом представлял собой разваливающийся кусок дерьма. Но он весь был в распоряжении Рыцаря, и Рыцарь позволял нам тусоваться там после школы. Холодильник Пегги был набит дешевым пивом, мы могли курить прямо в доме, и там был кабельный

телевизор. Это был подростковый рай.

Каждый день вся наша панк-рок-компания отправлялась прямо к Пегги, разваливалась на ее колючих бесформенных диванах семидесятых годов (я старалась устроиться поближе к Лансу), открывала пиво и орала во всю силу своих легких, глядя на какого-нибудь безногого транссексуала или там байкера-лилипута, которого показывали в тот день в передаче Джерри Спрингера. Попутно распихивая бычки от «Кэмела» в уже и так переполненные пепельницы.

Рыцарь обычно проводил первый час этого дела, гуляя с собакой или ремонтируя что-то в доме. За это время я успевала надраться и всласть пофлиртовать с тем, у кого на коленях в тот момент сидела – не то чтобы это имело значение. Когда же Рыцарь заканчивал со своими делами, он плюхался в обтянутое серо-коричневой тканью кресло с откидывающейся спинкой с бутылкой пива в руке и пронзал несчастного придурка, с которым я в этот момент разговаривала, таким убийственным взглядом, что он вылетал за дверь еще до того, как моя костлявая задница касалась пола.

Так продолжалось неделями, пока в один прекрасный день я не осознала, что тут остались только Рыцарь и я. Я, в общем, понимала, что толпа как-то редет, но не понимала насколько. Я всегда приезжала к Пегги, потому что: а) мне было пятнадцать и у меня не было машины, и б) если меня предлагал подвезти кто-то другой, Рыцарь тут же заламывал ему руку за спину и тыкал его лицом в ближайшую машину до тех пор, пока он не отзывал свое предложение.

Я даже не могла вернуться домой на школьном автобусе, потому что жила не в прилегающем к школе районе.

К ноябрю нашего второго года в старшей школе Рыцарь как-то незаметно стал единственным способом моего передвижения после школы.

Каждый день, после звонка с последнего урока, хотела я того или нет, меня втягивало в толпу подростков, покидающих здание, крутило и вертело там, как одинокий лист в потоке, и выносило на переднюю лужайку, прямо к ногам Рыцаря. Он стоял, прислонившись к флагштоку, со сложенными на груди руками, и выглядел точно как скинхед по версии «Аутсайдера» – узкая белая майка, классические 501-е «ливайсы», перехваченные тонким красным шнурком, черные высокие ботинки со стальными носами и злобный блеск в глазах.

Единственное, чего недоставало, – пачки сигарет, торчащей из-под завернутого рукава. Ну и волос, конечно.

Даже несмотря на то, что весь этот классический образ, уверенность в себе и явная склонность к насилию создавали достаточно сексуальную картину, Рыцарь все еще не нравился мне. В основном, наверное, потому, что подсознательно я понимала – он вполне может меня убить. Но, надо признаться, мне нравилось внимание. Сознание того, что вся школа видит, как этот современный Брандо ждет именно меня, давало мне возможность чувствовать, что я тоже хотя бы немного крутая.

Я всегда была такой странной, забавной, типа возвышенной девицей с безумной прической и одеждой в стиле Гвен Стефани. Меня все знали, потому что я выделялась из толпы своими ярко-красными, оранжевыми или лиловыми кудрями, блестящими тенями или штанами в леопардовых пятнах, заправленными в белые «мартенсы», – но я не имела никакого существенного влияния.

А теперь... Теперь я была неприкасаемой.

Я постепенно становилась драгоценностью Рыцаря. Его внимание ко мне было настолько сфокусированным, что я чувствовала себя под его взглядом, как букашка под увеличительным стеклом. Казалось, он стремится запомнить точную форму, размер и расположение каждой веснушки и каждого прыщика на моем лице. Господи, от этого меня просто корчило. До того как я встретила с Рыцарем, у меня никогда не было проблемы с тем, чтобы смотреть людям в глаза.

Сейчас, шестнадцать лет спустя, я все еще ловлю себя на том, что разговариваю с чьей-нибудь рубашкой.

Сперва мне было довольно страшно находиться с Рыцарем вдвоем, но я понятия не имела, как этого избежать. Не было автобуса, не было машины, и не было никого, кто рискнул бы связаться со скинхедом Скелетоном, предложив подвезти меня, а мои родители были на работе (ладно, один из моих родителей был на работе, а второй спал с похмелья). Так что Рыцарь вполне успешно стал моей единственной опцией.

И я ею пользовалась, потому что, собственно, не понимала, что еще мне делать. Я никогда раньше не общалась ни с кем настолько злобным, агрессивным и мощным. Мои родители были просто мирными хиппи, курящими травку. У нас дома никто никогда не подымал ни голоса, ни рук. Господи, да мои родители не всегда могли толком поднять веки.

Так что я пыталась вести себя как будто так и надо. Именно так себя и ведут с крупными, страшными, непредсказуемыми тварями, которые могут убить, да? И я каждый божий день ездила с Рыцарем к Пегги, чтобы он был доволен, да и вообще старалась делать все, что только могла придумать для того, чтобы держать его строго во френдзоне.

И знаешь что, Дневник? Это работало.

Там, у Пегги, проводя долгие часы наедине за куревом, пивом и телевизором, мы с Рональдом МакНайтом по-настоящему подружились.

Когда мы были только вдвоем, Рыцарь становился совершенно другим человеком. Он был милым, искренним и заботливым. Он носил мой рюкзак, и открывал мне пиво, и давал мне прикурить, как джентльмен. Поймав меня врасплох, он щекотал меня до слез. А однажды, когда я пожаловалась, как дико у меня болят ноги из-за новых ботинок, он поднял мои ноги к себе на колени, осторожно снял с меня этот десятикилограммовый кошмар из кожи и стали и принялся растирать мне ступни своими большими, грубыми руками.

Именно в такие, непривычно интимные моменты я иногда могла заставить Рыцаря немного раскрыться. Так я узнала и про его отчима, которого он ненавидел, и про череду мерзких приятелей, которые были до него, и про ярость, которую вызывала у него мать, и про тайное желание найти своего родного отца. Для начинающего психолога интенсивность этих разговоров была почти непереносимой. Я не только была потрясена бесконечной толщиной слоев тех доспехов, которые этот веснушчатый мальчишка вынужден был носить для своей защиты, меня к тому же страшно вдохновляло то, что я была единственным существом на планете Земля, которому было дозволено под них заглянуть.

И все то время, пока я думала, что разрушаю заградительные стены Рыцаря, он постепенно сносил мои. Он заставлял меня ощущать себя особенной. Он

создавал у меня иллюзию безопасности.

А затем произвел захват.

4

Реквизит

Тайный дневник Биби

Дорогой Дневник.

Одним необычно теплым для декабря днем я обнаружила себя в доме Пегги, занятой особенно бурной щекотной схваткой с Рыцарем. Ну, то есть это началось как щекотание, но всякий раз, когда я вырывалась, этот чертов ниндзя догонял и ловил меня. Я удрала с дивана на пол, с пола – за кофейный столик, оттуда – в кресло, а оттуда – снова на пол перед телевизором 1950 года выпуска. С каждым новым захватом мои усилия, чтобы освободиться, становились яростней, и я паниковала все больше. Сперва я просто щекотала его в ответ, потом начала вырываться, потом стала отпихивать, потом убегала по полу на четвереньках – но все это, казалось, только возбуждало его еще больше.

К тому моменту, как Рыцарь прижал меня, лежащую на спине, к полу перед телевизором, стало окончательно ясно, что то, что началось как игривая, безобидная забава, быстро переросло в полноценную контактную игру кота с мышью. И теперь эта игра закончилась. Кроме тяжело вздымающейся груди и отчаянно бьющегося сердца, я была совершенно обездвижена как ледяным взором Рыцаря, так и его жутко сильными ручищами, мускулы которых отчетливо выдавались под тесными рукавами футболки. И в этот момент я поняла, какой же я была тупой и неосторожной.

Мы с Рыцарем не были друзьями. Мы были хищник и жертва. Он охотился на меня больше года, и моя тупая задница только что угодила в его западню.

Не отрывая от меня ни рук, ни взгляда, Рыцарь медленно опустился на меня всем телом, четко обозначив свои намерения, и я сдалась. Ощувив дикий выброс адреналина, я приготовилась к тому, что со мной сейчас произойдет что-то страшное и потенциально кровавое. Предоставив телу справляться самому, мое сознание взмыло куда-то вверх, к заляпанному парами никотина потолку, и оттуда сквозь растопыренные пальцы наблюдало за разворачивающейся сценой.

Но вместо того, чтобы разорвать и сожрать меня, Рыцарь приник к моим губам единственным долгим поцелуем. Шок от этой внезапной нежности был таким сильным, что сознание вернулось в меня, как щелчок натянутой резинки, и внезапно ко мне вернулись все ощущения – легкие наполнились запахом пыли и мускусного одеколона, губы ощутили тепло других губ, к груди прижималась твердая грудь, и каким-то образом сквозь смесь вкусов пива и сигарет пробился легкий мятный вкус жевательной резинки «Свежее дыхание».

Когда поцелуй наконец прервался, Рыцарь сделал еще одну неожиданную вещь. Он прижался своим лбом к моему и выпустил глубокий вздох. И я почувствовала, как разжался его захват на моих крошечных бицепсах. Грубые ладони скользнули по всей длине моих распростертых по полу рук до сжатых маленьких кулачков, которые он безо всякого сопротивления передвинул мне за голову. Его движения были такими четкими, а дыхание таким ровным, как будто он использовал весь свой самоконтроль до последнего, чтобы сдержаться и не разорвать меня на маленькие кусочки.

Да, мы точно были хищником и жертвой.

Я была уверена, что он чувствует, как мой пульс бьется в воздухе, исходя от меня, как звуковые волны от большого барабана, пока я лежала там, пытаюсь подавить охвативший меня испуг. Когда к Рыцарю вернулось самообладание, он снова поцеловал меня.

Я не шевелилась, я и дышать-то не могла. Все оставшиеся во мне силы прилили к мозгу, который изо всех сил пытался породить какую-нибудь внятную мысль, пока язык Рыцаря совершал у меня во рту неспешные вращательные движения, гипнотизирующие меня.

Когда он отпустил мои руки и в последний раз коснулся языком моей нижней губы, все мысли, которые мне так и не удалось сформулировать во время этого дела, ломанулись ко мне в голову сразу целой толпой. Я не знала, с какой начать. До этого я за все свои пятнадцать лет целовалась всего с двумя парнями, Колтоном и Брайаном, и это никогда не было вот так. Это было круто. Это было...

Черт... Что это было?

Я продолжала лежать на спине, придавленная к полу эмоционально нестабильным скинхедом-бодибилдером. Тем временем в моей голове из спутанного клубка наконец удалось вырваться одновременно двум мыслям. Первая: Рональд МакНайт в меня влюблен. Вторая: мне никогда от этого не спастись.

Какой-то части меня нравилось, насколько блестяще-особенной делало меня отношение Рыцаря и как страстно он ко мне относился. Мне даже, до определенной степени, нравилось, насколько он был доминантным, устрашающим и возбуждающим. Но другая, и гораздо большая, часть меня была напугана до потери пульса и правда, правда хотела, чтобы все вот это осталось нашей маленькой тайной.

Хотя Рыцарь никогда не причинял мне никакого вреда, я много раз видела, как он причинял его другим, причем иногда без всякой причины. А что он сделает со мной, если я ему откажу? Мне совсем не хотелось закончить свою жизнь в стиле «Молчания ягнят» где-нибудь под домом Пегги. Нет, отказывать ему было нельзя.

И мне не хотелось, чтобы нас открыто считали парой. Ну да, я-то знала, что Рыцарь никакой не фашист и не расистское чудовище, как считали все остальные, но больше-то никто об этом не знал. Что подумают мои друзья? Господи, да моя лучшая подруга, Джульет, была наполовину черной, наполовину японкой!

Черт, черт! Какая жопа! Это не должно открыться. И не откроется.

Мой маленький секрет прожил примерно дня три. Как выяснилось, Рыцарь разве что не кричал об этом с вершины горы. Он ходил за мной повсюду, целовал меня

на прощанье перед всем классом, обнимал меня за обедом и метал убийственные взгляды на каждого парня, кто хотя бы поворачивал голову в мою сторону.

Черт, черт, черт. Каким-то образом я стала подружкой Скелетона, ручной гремучей змеи.

Он на всех уроках писал мне любовные записки с пугающими картинками и каждое утро приносил какие-то подарки – пакет печенья, одуванчик, сорванный для меня по дороге в школу, чью-то оторванную голову.

Для парня, чья репутация была построена на образе неприкасаемого и потенциально опасного, Рыцарю было потрясающе наплевать на то внимание, которое он привлекал. Его вообще не волновало, кто что подумает, увидев, как он, словно последний идиот, собирает цветы или рисует сердечки на всех своих тетрадках. Я только уселась за последнюю парту на последнем сегодня уроке, чтобы развернуть его очередную изящно сложенную записку, как мое внимание немедленно привлекли три слова, написанные его гадким, психическим вандализм-дочь-у-меня-в-заложниках-гоните-деньги почерком. Он накарывал там что-то вроде:

ДОРОГАЯ БИБИ,

НЕ МОГУ НА ФИГ ДОЖДАТЬСЯ ВЕЧЕРА. Я ПРИДУМАЛ ЧТО-ТО О ЧЕМ ДУМАЛ С ПЕРВОГО ДНЯ КАК ТЕБЯ УВИДЕЛ. НЕ ВОЛНУЙСЯ. Я ЗНАЮ ТЫ НАВЕРНО ДУМАЕШЬ ЧТО НУЖНА МНЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕКСА НО НЕТ.

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.

РЫЦАРЬ.

Все, что мог уяснить из этого мой девственный пятнадцатилетний мозг, были слова волнуйся, секс и люблю.

Господибожемой.

Мне пришлось вцепиться в края парты, чтобы не упасть.

Рыцарь хотел секса. Со мной. Через несколько часов. И, судя по крошечным уродским картинкам, накарябанным на краю его записки, он собирался заниматься сексом с реквизитом.

5

Гарниры к хот-догам, а не к сосискам

Тайный дневник Биби

В тот день я надела в школу юбку. Я вообще не носила юбки, Дневник, но мне только что купили новые гриндерсы со стальными носами, и надо было, чтобы мой будущий муж Ланс Хайтауэр мог разглядеть их во всей их шнурованной кожаной красе. Они весили целую тонну, а стоили еще больше, но я думала, что, может, ну может же быть, если я докажу Лансу, что я не просто еще одна соплюха в «мартенсах», то он наконец поймет, что мы с ним родственные души, и вырвет меня из лап Рональда МакНайта. Ланс был ростом метр девяносто и крупный во всех нужных местах, так что, по крайней мере, на бумаге это казалось честным сражением.

Но, к несчастью, у моего плана были недостатки.

На самом деле Ланс был гораздо больше заинтересован в том, чтобы оказаться за Рыцаря, чем против него, если вы меня понимаете.

Так что, вместо того чтобы получить плохого парня своей мечты и свободу от скинхеда Скелетона, единственное, чего я добилась, так это того, что оказалась в двухсотдолларовых ботинках и короткой клетчатой юбочке, которая застегивалась на боку английскими булавками. Все это только подливало

топлива в и без того полыхающий костер либидо Рыцаря, сокрушая его самоконтроль.

За несколько недель до этого наши развлечения в доме Пегги дошли до того, что Рыцарь кидался на меня при первой же возможности. И я, Дневник, не шучу. Я стала просто звездой послешкольного куннилингуса, и это было фансексостически. Выяснилось, что Рыцарь любил пожирать вот это почти так же, как... хм, ну, он вообще-то не любил ничего, кроме меня, если ты можешь поверить этому рукописному тексту.

И ни разу за все это время Рыцарь даже не намекнул мне, что ожидает чего-то взамен, что было хорошо, потому что вообще-то он только этого и хотел. И, хотя я еще не видела его своими глазами, я до потери пульса боялась одноглазого монстра, живущего в его штанах. Каждый раз, когда мы возились, эта штука так разбухала, что вылезала из-под пояса его узких джинсов, заползая под прилегающую майку, и упиралась в ребра еще до того, как мы начинали делать хоть что-то. У меня не было никакого опыта обращения с мужскими членами, но было хорошее пространственное воображение, и я понимала, что эта штука не поместится в меня ни за что на свете.

Как я и ожидала, после звонка Рыцарь ждал меня у выхода. Я увидела его раньше, чем он заметил меня, и заметила, как выражение его лица изменилось с убийственного на умиленное, стоило ему увидеть меня. Его рот сдвинулся на сторону в одобрительной кривой усмешке, когда его глаза быстро скользнули по моему телу, отчего у меня по спине пробежала ледяная дрожь. В следующую секунду мою талию обхватили твердые руки, твердый рот накрыл мой собственный, а особенно твердая и пугающе большая выпуклость прижалась к моему животу.

Боже-боже-боже-боже-боже...

Моя кровеносная система переполнилась адреналином. Пульс стучал в ушах, как водопад, и единственное, что прорывалось сквозь этот белый шум, был визг моего сознания: Борись или беги! Борись или беги!

Впрочем, шум стих, когда Рыцарь прошептал мне на ухо: «Ты прочла мою записку?»

Я тяжело сглотнула и кивнула, не в силах вспомнить, как разговаривают.

«Пожалуйста, только не спрашивай, люблю ли я тебя. Пожалуйста, не говори со мной об этом. Давай просто покончим с этим, и все».

Рыцарь отодвинулся от меня ровно настолько, чтобы наши глаза оказались напротив – теплые зелено-карие и ледяно-голубые. Когда он смотрел на меня вот так, меня охватывал паралич такой силы, что я даже не могла моргать. А дыхание требовало направленных усилий.

– Так я это все всерьез.

Глыть.

Прежде чем я смогла сформулировать какой-нибудь ответ, за который меня не расчленили бы на месте, Рыцарь содрал рюкзак с моего плеча и закинул себе за спину. В том, что он носил мой рюкзак, не было ничего нового, но в тот конкретный день казалось, что он берет его в заложники.

Собственнически обнимая меня за плечи, Рыцарь провел меня через всю лужайку в сторону парковки для учащихся, где его пятиметровый монструозный пикап, который он сам собрал из запчастей, торчал над остальными «Хондами» и «Фордами», как отвесный утес (как будто бы он мог еще больше унижить остальных наших соучеников).

Каждый день Рыцарь приводил меня к этому передвижному памятнику тестостерону, и каждый день я наблюдала, как ребята, с которыми я только что пересмеивалась и обменивалась записками, один за другим опускали глаза и отворачивались.

Я их не винила. Рыцарь совершенно ясно давал всем понять – я его, а неправильно взглянуть на то, что принадлежало ему, было критически опасным для здоровья этого несчастного.

В полной тишине мы выехали с парковки в направлении дома Пегги. Порнографическое признание в любви от Рыцаря прожгло дыру в моем кармане и в моем мозгу.

Мы переступали грязный прогнивший порог этого дома не одну сотню раз, но в этот необычно теплый декабрьский день, последний перед зимними каникулами, я знала, что какая-то часть меня останется тут навсегда.

Рыцарь немедленно исчез на кухне, а я топталась на крошечном куске паркета, который Пегги любила называть фой-е. Прямо впереди была гостиная, обставленная коричневой кусачей мебелью, а за ней был вход в кухню, где было слышно, как Рыцарь чем-то грохочет.

Вместо того чтобы, как обычно, взять себе пива и усесться на диван, я стояла, окаменев и не зная, куда идти и что делать. Прежде чем я успела сочинить план спасения, Рыцарь пришел из кухни. Он казался страшно довольным собой. Подойдя ко мне босиком – когда он только успел снять ботинки? – он схватил меня за руку и, не говоря ни слова, потащил меня по прогибающимся, скрипящим ступенькам в бывшую спальню Колтона.

Я была там раньше только однажды, но там все оставалось точно так, как я помнила, – плохо обставленная, безликая и печальная спальня. Колтон никогда не жил там настолько долго, чтобы как-то украсить ее, а Пегги была слишком подавленной и безразличной, чтобы думать об этом. Мелкая деревянная мебель, казалось, пришла сюда из кукольного дома 50-х годов и с тех пор только покрылась слоем канцерогенов.

Когда мы вошли, Рыцарь отпустил мою руку и повернулся ко мне лицом. «Ты мне веришь?»

Да ни хрена!

Я тяжело сглотнула, выпрямилась и заставила себя встретиться с ним взглядом. «Хотелось бы».

Встречаться с ним глазами никогда не было легко, но в этот раз я чувствовала себя так, как будто смотрела в два ружейных ствола. Меня поймали, отогнали от стада, приготовили. И вот она я, стою перед ним, как чертова призовая телка.

Рыцарь отвел свои синие прицелы от моего лица и провел ими по всему моему трясущемуся телу. Его рот и пальцы вскоре последовали тем же курсом, попутно вынимая булавки из моей юбки, которая скоро свалилась клетчатой кучкой на

ковровое покрытие пола. Предавшись своей судьбе, я глубоко вздохнула и стянула с себя футболку и лифчик с прокладками (большими), добавив их в растущую кучу одежды на полу.

Рыцарь лениво скользил ртом по моему телу вверх и вниз, останавливаясь, чтобы ущипнуть или прикусить каждый перламутрово-розовый сосок, попадающийся ему на пути. Мои руки, как обычно, оказались на его плюшевом затылке. Я не могла удержаться. Голова Рыцаря была самым мягким из всего, что я когда-либо трогала, и чем дальше, тем, казалось, я находила все больше и больше причин ее трогать.

Как мог кто-то, на кого мне было так страшно смотреть, быть таким кашемирово-мягким под моими пальцами, напоминать на вкус мяту и пахнуть свежестырированным бельем и теплым мускусом? Когда мои глаза и мой мозг отрывались от этого уравнения, остальные чувства тоже оживали во всех местах, где мы с ним соприкасались.

Ко времени, когда я распробовала зимнее дыхание Рыцаря, он довел меня до такой степени похоти и желания, что я забыла, что на мне еще надеты трусы. Собственно, я вспомнила о них, только почувствовав, как его пальцы скользнули между моими бедрами и тонкой полоской ткани, прикрывающей их. Вместо того чтобы спустить их с меня и продолжить процесс соблазнения, Рыцарь задал тон грядущим событиям, схватив мои лиловые трусики за края и растянув их так, что они порвались. Я испустила легкий изумленный вскрик, за которым тут же последовал еще один, более громкий, когда он поднес мои рваные трусы ко рту и медленно провел языком по неприлично большому мокрому пятну.

Поглощая это доказательство моего желания, в котором я не хотела признаваться даже сама себе, Рыцарь не отрывал от меня взгляда, а затем снова начал целовать меня. И в этот раз я почувствовала на его губах вкус секса, и меня потрясло то, что мне это чертовски нравится.

Будучи сам полностью одетым, Рыцарь подвел и посадил меня на край колтоновской кровати. Я смущенно смотрела, как он начал вытаскивать из своих карманов и выкладывать на пыльный ночной столик кучу разных предметов – зажигалку, пачку сигарет, ключи, упаковку жевательной резинки. Из задних карманов он вытащил бумажник и пару наручников, а за ней еще одну.

Какого черта?

Озарив меня коварной ухмылкой и положив вторую пару наручников на столик, Рыцарь снова полез в задний карман. (Эти его тесные джинсы были не хуже, чем шляпа фокусника.) На сей раз он вытащил из-под ремня прозрачную банку с медом.

Не знаю, послужило ли причиной предвкушение того, что он собирался со мной сделать со всеми этими причиндалами, или потрясенное выражение моего лица, но я увидела, как Рыцарь улыбается – в первый раз за все время, что мы были знакомы. Нет, я, конечно, видела несколько раз, как у него поднимаются углы рта, но это всегда было больше ухмылкой, гримасой или оскалом. Тут же случилось что-то потрясающее. Его всегда холодные глаза тепло наморщились по краям, губы приоткрылись, показав настолько безукоризненные зубы, что он мог бы работать в рекламе жевательной резинки «Свежее дыхание» (особенно с учетом того, сколько он ее жевал). В сочетании с его веснушками эта улыбка показала мне, какой семнадцатилетний мальчишка скрывался под всей броней Рыцаря. И он был совершенно очаровательным.

Пока я сидела и обдумывала свою новую симпатию, которую начинала испытывать к тому, кого несколько минут назад считала скорее своим похитителем, чем бойфрендом, Рыцарь с грацией дикой кошки сорвал с себя свою белую майку и узкие джинсы. Без них я наконец увидела, как головка его огромного эрегированного члена сантиметров на пять торчит над резинкой его боксеров, которая с трудом удерживает это тяжелое орудие прижатым к мускулистому животу.

Вся моя короткая, скромная жизнь пронеслась у меня перед глазами. Так вот как это все кончится, подумала я. Я истеку кровью до смерти, разорванная членом скинхеда в спальне своего бывшего приятеля. А я так никогда и не увидела Билли Идола.

Взяв избранное им орудие – стальные наручники – в одну руку, Рыцарь расположил меня на спине по центру кровати. Накрыв мое тело своим, он умело развел мои ноги в стороны своими ногами. Его беззаботная улыбка уже сменилась другой, хищной и коварной. Его пронизывающий взгляд не отрывался от меня, пока наши распухшие губы не соединились снова. Инстинктивно я снова обхватила руками его теплую пушистую голову, а он начал водить другой рукой по моим влажным складкам.

Я чувствовала, что его самоконтроль начинает сдавать. Он запустил руки в мои очень короткие платиново-светлые волосы (только что осветленные и остриженные в очередной бесплодной попытке соблазнить Ланса Хайтауэра) и крепко потянул. Я запрокинула голову, выставила вперед шею и выгнулась дугой, упершись в его тугую грудь (какой еще Ланс?).

Он зарылся лицом в ямку между моими шеей и плечом и прошипел: «Господи, я хочу тебя».

Господи, я тоже хотела его. Может, мне и не хотелось, чтобы нас видели вместе, и не хотелось признавать, что мы были парой, но в этой богом забытой маленькой комнатке в пригороде я могла притвориться, что на свете просто не существует ни других людей, ни их мнений. Даже Рыцарь чувствовал себя здесь настолько в безопасности, что мог снять свою броню, опустить оружие и быть открытым, ласковым – хотя и странноватым – мальчишкой с пушистой башкой, которого не видел никто, кроме меня. Мальчишкой, приятным на запах и на вкус, и он делал мне очень, очень приятно. Хватит уже это отрицать. Я была в этой комнате, потому что хотела там быть.

Когда у меня разве что пена с губ не срывалась, Рыцарь отпустил меня, чтобы прикрепить мои запястья к столбам кровати наручниками, о которых я успела почти забыть. Хотя мои тощие бледные ноги оставались свободными, вес моих новых гриндерсов со стальными носами приковывал их к изножью кровати почти так же надежно, как стальные браслеты на моих руках. Остальные части моего мальчишеского пятнадцатилетнего тельца лежали распластанными во все стороны, как у жертвенной девы, каковой я и была. Пока еще незапятнанной, но ненадолго.

Спустя несколько минут невинность будет вырвана из этого тела в потоке боли, крови и меда. Спустя несколько недель оно подвергнется бешеному натиску гормональных перемен от противозачаточных пиллюль, которые я попрошу мне выписать. А спустя несколько месяцев оно покроется железными кольцами и подвесками во всех возможных эрогенных зонах. Я проходила точку невозврата в превращении из простой девочки в богиню секса, просто я пока об этом не знала.

Но что я знала – так это то, что была наконец готова принять Рыцаря – в свою жизнь и в свое тело – таким, каким он был. По каким-то причинам его

поломанная душа решила полюбить меня, и он делал это без страха и упрека. Он мог бы испугаться, что я отвергну его, как сделали его родители и весь остальной мир. Он не должен был открываться мне, но он это сделал, мой храбрый Рыцарь. Он увидел во мне нечто, достойное его веры и его любви, и я знала, что он будет защищать это до самой смерти. И у него появилось хобби доставлять мне удовольствие до судорог, что тоже было плюсом.

Конечно, Рыцарь был злобным, антисоциальным, устрашающим и склонным к насилию, но в этот момент он покрывал мое горло, грудь, живот и клитор медом и устраивал на мне пир, как будто я была его последней трапезой. Насилие-шмасилие. Этот поганец был настоящим любовником.

Когда он наконец спустился к моему свежевыбритому холму (я имела совесть и выбрила там все сразу же после самого первого раза с Рыцарем), я чуть не сорвала свои оковы от этих сладчайших мук. Ничего мне так не хотелось, как схватить его за уши и вцепиться ему в лицо, но он продолжал дразнить меня, и я ничего не могла с этим сделать. Он слизывал и высасывал прилипший мед с моего гиперчувствительного клитора, иногда слегка дуя на него или касаясь кончиком языка. Он явно наслаждался собой и, возможно, получал еще большее удовольствие от того, что я расщепила столбы кровати чуть не на зубочистки, дергаясь в своих наручниках.

Наконец, сжавшись, Рыцарь развел мои складки и проник языком глубоко во влажный канал между ними. Одновременно он кругообразно водил по моему клитору носом. Через секунду я рассыпалась в мозаику стонов, проклятий, спазмов и темноты. Мои руки непроизвольно дернулись в оковах, когда я попыталась подтянуть колени к груди, чтобы хоть как-то остановить поток непереносимых ощущений, в котором едва не захлебнулась.

Пока я концентрировалась на том, чтобы успокоить пульсирующую волну удовольствия между ногами, Рыцарь не спеша снял свои трусы, вынул из бумажника презерватив и, растянув его едва ли не на разрыв, натянул на свой позабытый и очень сердито выглядящий член. Как только я физически смогла снова развести ноги в стороны, Рыцарь расположился возле моего раскрывшегося, еще пульсирующего входа.

Казалось бы, он должен быть весьма доволен собой, доведя меня до такого brutального оргазма, но он выглядел неуверенным и даже обеспокоенным. «Ты готова?»

Смятение в его глазах сказало мне все, что мне было нужно знать. Мой бесстрашный Рыцарь боялся, боялся за меня и за себя. Пришла пора признать этот слоновий член. Рыцарь собирался причинить мне боль, худшую, чем я когда-либо испытывала в жизни. И не в последний раз.

После того как я торжественным кивком подтвердила свое согласие, я почувствовала, как мои внутренности раздираются на тонкие ленточки. Я обеими руками крепко вцепилась в наручники и втягивала воздух сквозь стиснутые зубы, сдерживая слезы, готовые пролиться из моих плотно зажмуренных глаз.

«Не реви. Не реви. Ты можешь, Биби. Ты крутая. Иди в свое счастливое место и перетерпи».

Единственной проблемой, несмотря на тот факт, что я испытывала родовые муки наоборот, было то, что я уже была в своем счастливом месте. Мне поклонялся сам дьявол, и я хотела, чтобы это не кончалось.

К счастью, кошмар довольно быстро закончился, благодаря тем месяцам воздержания, которые я устроила Рыцарю до сего момента. Когда все кончилось и он извлек то, что казалось мне бензопилой, из моей истерзанной вагины, Рыцарь обнял меня и зарылся лицом в щель между подушкой и моей щекой. Я не понимала, ищет ли он утешения от того, что сделал, или предлагает его, но его руки были как гигантские пластыри, склеивающие меня обратно. Мне захотелось пробежать пальцами по его пушистому затылку, но это желание немедленно натолкнулось на жесткое сопротивление и скрежет металла по дереву, едва я попыталась шевельнуть рукой.

Рыцарь поднял голову на этот звук, и, едва он осознал, откуда тот исходит, его лицо немедленно исказилось в смеси раскаяния и заботы. «Черт, Биби! Твои руки!»

Он вскочил и схватил ключи со столика, помедлив только для того, чтобы скинуть презерватив в мусорную корзину, где он и останется на ближайшие лет десять-двадцать. Освободив мои руки, Рыцарь притянул меня к себе на колени, обхватил руками и сосредоточился на моих покрасневших натертых запястьях, постоянно дую, целуя и зализывая их между потоком извинений.

– Прости меня, детка. Мне так офигенно жаль. Я не хотел делать тебе больно. В смысле, я знаю, что это немножко больно, но я так старался, чтобы тебе было хорошо. Ты в порядке? Пожалуйста, скажи, что ты в порядке? Это на фиг убьет меня, если я испортил единственное, что когда-нибудь любил.

После каждого поцелуя Рыцарь всматривался мне в лицо, взволнованно подняв брови. Хотя он только что проволоч меня сквозь три с половиной минуты раздирающей боли, я чувствовала себя могущественной, сверкающей и новой, как феникс, восставший из пепла моей изничтоженной девственности. То, что не убило меня, сделало меня сильнее, такой сильной, что единственный на всю округу скинхед ел у меня с ладони. И отовсюду.

Да я была лучше, чем в порядке. Мне определенно было в кайф.

– Давай повторим.

6

Появляется злобный профессор

Тайный дневник Биби

Дорогой Дневник.

Есть небольшой шанс, что я скоро могу неожиданно исчезнуть, так что ты должен знать, что происходит, на случай, если тут появятся агенты федеральных сил.

Я могла бы описать тут всю эту злачную историю, но я ее в общем уже почти описала в письме своей лучшей подруге, Саре, так что я просто скопирую сюда нашу переписку для экономии времени. И чтобы доказать, что все, что я делаю, было ее идеей.

Доктор Сара Сноу – это воплощение зла, Дневник. Я знаю, что не должна ее слушать, но ничего не могу с этим поделать. У нее есть власть надо мной. Однажды она среди ночи подобрала на дороге трех голосующих в костюмах шмелей и заставила меня сидеть у одного из них на коленях, потому что иначе мы не помещались в ее крошечный «Фольксваген Мини». В другой раз нас из-за нее с позором выгнали с секс-шоу в Новом Орлеане за то, что мы передразнивали исполнителей, а она при этом наотрез отказывалась уходить, пока не допьет трехдолларовую банку прохладительного напитка, который нас заставили купить при входе. В общем, она – дурной пример.

Еще три года назад мы вместе работали в школьной системе (причем Сара сделала все, чтобы нас оттуда уволили), и это было прекрасно. Затем она ушла оттуда, бросив меня, чтобы стать профессором психологии в одном из шикарных исследовательских институтов на другом конце страны. Она так чертовски умна, что наверняка могла бы придумать лекарство от рака, если бы не была психом с большой буквы П.

Так что, Дневник, в том, что тут написано, винить надо не меня. Поступай, как я, и вали все на Сару Сноу.

ОТ КОГО: БИБИ ИСТОН

КОМУ: САРЕ СНОУ

ЧИСЛО: 29 АВГУСТА, ЧЕТВЕРГ, 21:36

ТЕМА: ДЕРЬМО В РЕАЛЕ

Блин... Кен прочел мой чертов дневник.

Мы разведемся.

Или он меня отравит.

Просто чтоб ты знала.

ОТ КОГО: САРА СНОУ

КОМУ: БИБИ ИСТОН

ЧИСЛО: 29 АВГУСТА, ЧЕТВЕРГ, 21:41

ТЕМА: ОТВЕТ: ДЕРЬМО В РЕАЛЕ

Да никогда. Это на него не похоже. С чего ты вообще взяла?

Сара Сноу, ДМ,

Профессор, Факультет Психологии

(название университета удалено)

ОТ КОГО: БИБИ ИСТОН

КОМУ: САРЕ СНОУ

ЧИСЛО: 29 АВГУСТА, ЧЕТВЕРГ, 21:47

ТЕМА: ОТВЕТ: ДЕРЬМО В РЕАЛЕ

Балда, я знаю, потому что, когда я несколько вечеров назад спустилась вниз, уложив детей спать, я услышала, как он захлопнул мой ноутбук. Вот с чего я взяла. А когда я дошла до нижних ступенек и завернула за угол гостиной, он с виноватым видом отпихивал мой компьютер на другой конец журнального столика.

Сара, он прочел мой чертов дневник. Ты себе не представляешь, что там написано. Да еще в таких подробностях. Прочтя всю эту херню, он из целой

шеренги сможет опознать член Рыцаря. Я уже три дня не сплю, потому что знаю – как только я закрою глаза, Кен тут же придушит меня подушкой.

Что мне делать? Спасай!

ОТ КОГО: САРА СНОУ

КОМУ: БИБИ ИСТОН

ЧИСЛО: 29 АВГУСТА, ЧЕТВЕРГ, 22:01

ТЕМА: ОТВЕТ: ДЕРЬМО В РЕАЛЕ

Для начала посмотри историю в браузере. Если то, что он все-таки прочел в твоём дневнике, так ужасно, то он мог использовать твой компьютер, чтобы сохранить это. Вот я, например, сейчас сохраню твоё письмо, на случай, если с тобой что-то случится.

P.S. Какого хрена ты не закрываешь свой дневник на пароль?

Сара Сноу,

ДМ, Профессор, Факультет Психологии

(название университета удалено)

ОТ КОГО: БИБИ ИСТОН

КОМУ: САРЕ СНОУ

ЧИСЛО: 29 АВГУСТА, ЧЕТВЕРГ, 22:13

ТЕМА: ОТВЕТ: ДЕРЬМО В РЕАЛЕ

Блин, да знаю я! Я идиотка! Я просто, честно, не думала, что это нужно. Кен в жизни не обращает внимания на то, что я делаю. Я не уверена, что он знает, что все картины и фотографии на стенах в нашем доме – мое творчество. Плюс он прямо сейчас пытается посмотреть все пять сезонов «The Wire» и одновременно следит за игрой четырех футбольных команд. Кто бы подумал, что этот дебил вообще заметит, что я что-то там печатаю, не говоря уж про какие-то подозрения?

Черт, Сара, мне страшно. Он как будто игнорирует меня или играет со мной в чертовы психологические игры. Вместо того чтобы залить мой комп бензином и мочой, что было бы оправданно, он пригласил меня в ресторан. Прикинь? Вот прям сам позвал няню, выбрал ресторан. И заранее заказал билеты в кино! Я была уверена, что он собирается вручить мне бумаги о разводе прямо в ресторане, так все это было формально и ему не свойственно, но вообще-то мы провели чудесный вечер. Он даже не ныл, как всегда, что «за эти деньги можно купить целый виноградник», глядя на цену моего бокала пино или там каберне.

И! Да! Потом, когда я загнала его в спальню, чтобы отблагодарить посредством нескольких минут скачки на его безжизненном теле, он остановил меня и спросил, не хотелось бы мне попробовать чего-то нового. НОВОГО! (Ну, понятно, нового для него. Чтобы что-то в сексе стало новым для меня, потребуется украденная форма морского курсанта, двадцать метров корабельного каната, пяток хомяков и тридцать литров крови вампира.) И знаешь, Сара, было очень неплохо! И даже телевизор никто не включал!

И вот еще! На следующий день Кен сказал, что пригласил няню на весь следующий месяц, так что мы сможем поехать поглядеть Дэвида Кочнера в Панчлайне! Кто этот человек? (Кен, а не Дэвид Кочнер, его-то я знаю, и он офигенно хорош.)

Может, он собирается избавиться от меня прямо там? Там очень живописный район...

ОТ КОГО: САРА СНОУ

КОМУ: БИБИ ИСТОН

ЧИСЛО: 29 АВГУСТА, ЧЕТВЕРГ, 22:35

ТЕМА: ОТВЕТ: ДЕРЬМО В РЕАЛЕ

Кен тебя не игнорирует. Он отвечает на твою интервенцию, Б. Теперь, когда он прочел твой дневник и понял, как тебе скучно, он пытается что-то исправить. А лучше всего тут то, что ты даже не обязана с ним все это обсуждать. На самом деле все получилось просто замечательно. Сдается мне, ты только что открыла чертов святой Грааль техники исправления супружеских отношений!

Вот что тебе надо делать. Теперь, когда ты знаешь, что он читает твой дневник, тебе надо писать туда всякие преувеличенные истории, чтобы собрать на этом дерьме всю возможную сметану. Специально пиши про то, что бы ты хотела в нем изменить, и расписывай так сочно, как только сможешь.

А я проведу на эту тему продолжительное исследование, с результатом которого меня пригласят в «Доброе утро, Америка», и я расскажу Робину Робертсу, как женщины всей страны смогут спасти свой брак посредством Подсознательной Супружеской Библиотерапии (сокращенно ПСБ). Блин, да благодаря тебе я с этой штукой смогу получить постоянное место и купить себе «Ауди R8»!

Сара Сноу,

ДМ, Профессор, Факультет Психологии

(название университета удалено)

ОТ КОГО: БИБИ ИСТОН

КОМУ: САРЕ СНОУ

ЧИСЛО: 29 АВГУСТА, ЧЕТВЕРГ, 22:48

ТЕМА: ОТВЕТ: ДЕРЬМО В РЕАЛЕ

Ты

Злой

Чертов

Гений.

Я за. И я уже составила для будущего наблюдения перечень поведенческих реакций, в сторону которых буду работать.

1. Проявлять инициативу в горячем, потном, страстном сексе, от которого волосы дыбом.
2. Говорить больше комплиментов.
3. Придумать симпатичное прозвище.
4. Сделать себе чертову татуировку с сердцем и моим именем на нем.

В целях сбора и классификации данных ты можешь взять за точку отсчета ноль во всех четырех категориях. Да, ноль, потому что Кен в жизни не делал ничего из вышеперечисленного. Так что, по-моему, нам тут некуда двигаться – только вперед. И я буду держать тебя в курсе своего продвижения.

И еще, обещай, что передашь от меня привет Джорджу Стефанопулусу, когда будешь в «Доброе утро, Америка». Он мне всегда нравился. Наверное, потому, что напоминал мне Майкла Дж. Фокса. Может быть, не стоит ему об этом говорить? Или стоит?

7

Пресловутый К.Е.Н

Дорогой Дневник.

Посоветовавшись с дьяволом за плечом, я решила ввязаться в морально сомнительный психологический эксперимент в надежде трансформировать Кена в теплое и любящее существо, чья любовь ко мне будет настолько безмерна, что ему потребуются татуировка с моим именем и/или портретом, чтобы весь мир мог видеть его чувства ко мне. Так что пакуй рюкзак и фонарик, Дневник, потому что отныне ты будешь прятаться в темной норе на задворках моего жесткого диска под названием «Рецепт Кекса из Подгузников для Детского Праздника».

Ничего личного, малыш. Это для твоего же блага. Мне нужно где-то записывать результаты наблюдений за прогрессом Кена так, чтобы он не просек, чем я занимаюсь, а ни один мужчина никогда не сунет свой нос в файл с названием «Рецепт Кекса из Подгузников для Детского Праздника», который находится в папке... эээ... погоди... Классные Штуки, нашла в Пинтерест.

Да, и ты не ревнуй, но на твоём старом месте я буду внедрять шикарно раздутую киноверсию собственной жизни в виде тебя, с названием СуперТайный Дневник, Который Никогда, Никогда, Ни За Что Не Должен Увидеть Кен. Там я буду писать выдуманные истории про своих бывших бойфрендов, которые должны вдохновлять Кена в этой чертовой игре. Банальная психология от противного – единственный способ добиться результата, когда имеешь дело с мужчиной. Ну и с двухлетней.

«И больше не читай мой дневник, Кен. Не надо. Лучше не надо».

Все получится. Вот увидишь.

Дневник, да ты только посмотри на себя. Ты начинаешь испытывать к Кену сочувствие, да? Это прелестно, но твоя симпатия будет потрачена зря. У этого человека нет чувств. Я даже не до конца уверена, есть ли у него нервные

окончания. Я клянусь, что тебе не о чем беспокоиться. Кен – бездушный гангстер, и с ним все будет в полном порядке.

8

Считайте меня психом

Тайный дневник Биби

Дорогой Дневник.

Я чувствую, ты все-таки меня осуждаешь. Можешь не говорить. Неодобрение просто написано на тебе, как наклейка «Мясо – это Убийство» на Макбуке. Тебе-то хорошо, в твоей надутой башне из чертовой слоновой кости.

Ты не знаешь, каково мне тут, на передовой, каждый божий день пытаться заставить работать этот чертов брак. Ты знаешь, что пятьдесят процентов таких проектов проваливается? Может, если я расскажу тебе побольше и обрисую перспективы, ты поймешь, что я не такое уж и чудовище? Я просто фрустрированная жена, которая хочет увеличить потенциал своего совершенно прекрасного, но столь же холодного мужа. Так что, может, ты все же перестанешь молчаливо осуждать меня?

Для начала, ты в курсе, что у Кена на руке уже вырезаны чьи-то инициалы? Да, вот так. Когда ему было шестнадцать, девочка, с которой он потрахался, типа, два раза, решила перестать с ним трахаться, и он вырезал на своей руке ее чертовы инициалы.

Ладно, когда мне было шестнадцать, у меня были проколоты оба соска, так что мне тоже не чуждо членовредительство, но все равно. Когда этот паршивец помрет, проведя, скажем, тысячу лет в качестве моего партнера по жизни, его

тело ляжет в землю с высеченными на нем какими-то посторонними инициалами. Я всего лишь, черт побери, тоже хочу быть представленной на этом организме. Желательно где-нибудь в заметном месте и отчетливо непрофессионально.

Так что, Дневничок, это все не потому, что я какой-то эгоистичный единственный ребенок, желающий, чтобы муж вытатуировал на себе мое имя. Я просто хочу видеть на нем свое имя крупнее и ярче, чем ее. А это совсем другое дело.

Из моих предыдущих записей ты уже знаком с низким либидо Кена и его коматозным проявлением в спальне, так что я перейду к третьей поведенческой реакции, которой хочу достичь в ходе своего эксперимента, то есть заставить Кена говорить мне комплименты. Я понимаю, что это тоже звучит напыщенно и убого, но, Дневник, если бы ты только знал. Этот засранец никогда в жизни не похвалил меня без того, чтобы я на это напрашивалась, ни разу.

Я уверена, что ты не понимаешь, как такое возможно. Конечно, это преувеличение.

А вот и нет. Кен упрям до жопы. С тех самых пор, как я впервые надулась, когда он отказался сказать мне комплимент, еще когда мы только начали встречаться, это перешло в борьбу характеров и достигло эпических пропорций. Каждые четыре или шесть месяцев (и, как правило, примерно за три-пять дней до начала моего цикла) я обращаю на это его внимание, и каждые четыре или шесть месяцев он закатывает глаза, словно я какой-то похотливый суккуб.

Вот, например, эта ежегодная рождественская вечеринка у него на фирме. Каждый год, когда я выхожу из ванной, проведя там два часа в подготовке к этому чертовому блэк-тай-дерьму, про которое он знает, как я к этому отношусь, знаешь, что он говорит, поглядев на меня с дивана?

Да, ты угадал. Ничего.

А знаешь, что написано у него на лице? «Господи, теперь она ждет, что я буду говорить ей комплименты. Не дождется. Буду сидеть тут, смотреть на эту третьесортную выставку уцененных побрякушек и делать вид, что ее тут вообще нету. Черт. Она все еще тут? Я ж даже не смотрю на нее. О, нет, теперь она еще и встала руки в боки! Блин! Теперь она злится. Интересно, если я убьюсь головой

об стену, сможем мы обойтись без этого разговора и сразу отправиться в больницу? И хрен с ним, что мы пропустим ежегодный аукцион. На кой черт мне еще один айпад, верно?»

И так мы пялимся друг на друга, как идиоты, минуты две с половиной, а сверчки чирикают так громко, как будто стараются сами сказать мне комплимент, просто чтобы разрядить обстановку.

И я неизбежно фыркаю и шиплю сквозь стиснутые зубы: «Значит, так. Я сейчас снова уйду в ванную, и мы попробуем сначала. Но на сей раз, когда я выйду, ты скажешь: «Прекрасно выглядишь», и мне не придется лупить тебя шпилькой по яйцам».

Знаешь, Дневник, я ведь психолог, а не угадыватель мыслей. Если Кен не говорит мне, что я красивая, или что я хорошая мать, или что я хреново делаю хлопья с молоком, то как я могу узнать, что он об этом думает? Никак. Ну и получается, что я целыми днями хожу в предположении, что мой муж считает меня домашним уродом. Так что, когда (и если) кто-то из эпизодических участников киноленты моей жизни случайно роняет комплимент в мой адрес, я реагирую, как тонущий пьяный пассажир, которому только что сунули спасательный круг. Я реву, молочу руками по воде и пытаюсь задушить эту сволочь.

Вот, например, пару месяцев назад я была в супермаркете. Я чувствовала себя предельно несексуально, пытаюсь всем своим бесформенным телом отловить и засунуть своего трехлетнего сына и грудную дочь в одну из этих жутких продуктовых тележек с красной машинкой, прицепленной спереди, так, что всю эту конструкцию вообще невозможно прокатить по рядам, не сшибив с полок половину выставленных там продуктов. И тут я получила очередной удар. В попытке избежать общения с живыми людьми, я заволокла это трехсоткилограммовое красно-желтое кошмарище в кассу самообслуживания, со всей возможной скоростью провела через сканер все памперсы, прокладки и крем для сосков и упаковала их так быстро, как мне позволили мои отечные пальцы. Схватив выползший из кассы чек, я, приседая и волоча за собой телегу, уже направлялась к спасительному выходу.

И тут среди моей попытки ускользнуть незамеченной ко мне подошел служащий мужского пола, лет на десять моложе меня, преградил мне путь и со всей искренностью спросил: «А вы уже получили свою скидку?»

Одновременно раздраженная, что мне загородили путь, и смущенная его вопросом, я нахмурилась и мрачно посмотрела на него, ожидая, что он продолжит.

И он, исполняя свой служебный долг, просиял мне в ответ: «У нас сегодня пятидесятипроцентные скидки для всех прекрасных дам!»

Слезы застили мне глаза. Как будто всего уже сшибленного мной сегодня в магазине было недостаточно, я врезалась в этого юношу с такой силой, что мы с ним оба влетели в гигантскую башню баллонов с водой для кулеров.

Хорошо, что нам быстро помогли, а то Кену пришлось бы увидеть в вечерних новостях, как мое безжизненное тело извлекают из кучи голубых пластиковых баллонов под бегущим заголовком: «Только что. Мать двоих детей и сотрудник супермаркета погибли под лавиной баллонов для кулера. Причиной инцидента стало эгоистическое воздержание мужа от комплиментов».

Видишь, Дневник? Из-за отказа Кена говорить мне приятное могли погибнуть люди.

И это приводит нас к последнему, четвертому пункту моих брачных целей – вынудить Кена придумать мне симпатичное личное прозвище. Мой муж никогда не называет меня иначе как полным именем, данным мне при крещении. Ой! Знаешь что? Однажды он назвал меня Психом. Это как, считается прозвищем?

Это было посреди ночи, когда я нечаянно разбудила его, ругаясь и мечась по нашей ванной во время полномасштабного приступа ОСД (Обсессивно-Компульсивного Расстройства).

(Это некоторое преувеличение. Вообще-то у меня нет ОСД. У людей с ОСД есть действительные причины делать то, что они делают, вроде иррационального убеждения в том, что они могут заразиться герпесом слизистой оболочки глаза, если не переключат все выключатели в доме четырнадцать с половиной раз перед каждым выходом из дома. Но во всем статистическо-диагностическом справочнике Американской Ассоциации Психологов нет того, что описывало бы мой случай. У меня у самой три степени по психологии, а я все еще не могу понять, что со мной не так, кроме того очевидного факта, что я плохой

психолог.)

Кен ввалился в ванную, щурясь на то, что могло показаться космическим источником света, и обнаружил меня стоящей на одной ноге на стойке раковины и держащейся кончиками пальцев за раскаленную металлическую настенную лампу. В другой руке у меня была швабра, и я размахивала ей в направлении каждой тени на потолке, которая хотя бы отдаленно могла напоминать паутину.

Мне могло бы стать стыдно за мой ночной маниакальный приступ любви к чистоте, но все, что я помню, это только легкое девичье изумление, когда Кен сонно приподнял край своего безупречного рта в слабой улыбке и спросил: «Что ты делаешь, Псих?»

И это было максимальное приближение к ласковому прозвищу, полученному мной от Кена. Но, поскольку, произнося его, он был в полубессознательном состоянии, я не уверена, что могу принять его на совсем законном основании. Это будет как похищение прозвища. Так что нет, Псих не подойдет. Это не настоящее прозвище – тут нет ничего личного. Того, что подчеркивало бы мои особенно выдающиеся качества, вроде Веснушка или Розовый Слон.

Ну и, кроме того, если кто-то у Кена на работе увидит, что он сделал тату на локте со словом «Псих», последнее, что они подумают, будет: «Надо же, как этот парень любит свою жену». Скорее всего, они подумают: «Вау, я так и думал, что Кен – козел. Он такой тихий и симпатичный, что должен быть или серийным убийцей, или козлом. Хорошо, что он оказался козлом. Можно перестать носить в кармане кастет. А то от него уже все карманы на фиг растянулись».

9

Леди и Бродяга

Тайный дневник Биби

Дорогой Дневник.

Я вот все думаю о моем списке целевых поведенческих реакций, и я поняла, что моя потребность в прозвище восходит к моим родителям. (Как и все остальное, да?) Пока я росла, они никогда не звали меня по имени. Вместо этого я была Плюшка, или Тыква, или Плутишка, или – их любимое – Биби. Мама начала называть меня Би-Би когда я была еще младенцем, просто потому что ей нравилось, как это звучит, но потом папа превратил это в Биби, как мои инициалы, потому что он втайне хотел, чтобы я была мальчиком. (Кажется, в то время всех капитанов футбольных команд всегда называли как-то вроде ТиДжей или ДжейАр.) Кажется, я даже не знала, что мое настоящее имя Брук, до тех пор, пока не пошла в школу.

У меня было прекрасное детство – ни братьев, ни сестер, чтобы оспаривать мой авторитет, только я и пара обкуренных взрослых, осыпающих меня вниманием, любовью и прозвищами. Так что, естественно, по непреложным законам выработки классических условных рефлексов, я привыкла ассоциировать прозвища с любовью. Даже сейчас, спустя десятилетия, назовите меня лапочкой или душечкой, и я немедленно сделаю вывод: этот человек обожает меня и совершенно очевидно пожертвует мне свою почку, если нужно.

Идиотка.

Хотя я, естественно, привязалась к прозвищу Биби, самой любимой моей кличкой была та, которой прозвал меня Харли, мой следующий бойфренд после Рыцаря, – Леди. Мне было шестнадцать, а это звучало очень взросло и сексуально. Прозвище не было банальным, как Малыш, и не было похоже на то, что могли просюсюкать в телефон мои родители, если подымали трубку после десяти вечера, прекрасно зная, что я в это время говорю с мальчиком.

Леди звучало гордо. Сильно. Женственно. Классически.

А я на самом деле ничем таким не была.

Когда мы с Харли встретились, я носила брекететы, весила сорок пять килограммов – вместе с ботинками со стальными носками – и была выбрита практически наголо. Нас познакомила в благотворительных целях моя

одноклассница – после того как Рыцарь обманул меня, унизил и несколько раз наорал на меня на виду у всей школы.

Я знаю, Дневник, о чем ты сейчас подумал. Рыцарь, злобный скинхед, оказался дерьмовым бойфрендом? А вот и нет! Черт, я и предположить этого не могла.

Ну, вообще-то, как оказалось, где есть приливы, есть и отливы. И когда они наступают, все, что в какой-то момент крутилось поверху, переворачивается и остается разбитым и испачканным далеко от того места, где началось.

Такой же знаменитый и известный, как и Рыцарь, Харли Джеймс был легендой. Он был настоящим плохим парнем Старшей Школы Персикового Округа. Никто толком не видел его после того, как его выгнали, я тогда еще училась в средней школе, но ходили слухи, что он бомжует в заброшенном доме где-то в Атланте с бандой отъявленных панков или еще каким-то образом романтически бродяжит. Теперь-то я знаю, что этим словом называются обычные бездомные, но тогда Харли Джеймс был богом панк-рока и тем самым отличной мезью.

Девочка из моего класса по социальным наукам дала мне его телефон, увидев, как я расстроена после нашего очень публичного и очень страшного теперь-всё-думают-что-меня-могут-зарезать-и-размазать-по-капоту-рыцаревой-машины-как-сломанную-игрушку расставания.

Без моего ведома Рыцарь несколько месяцев назад стал принимать стероиды и трансформировался в чертова Невероятного Халка. Только, в отличие от героя фильма, он постоянно был огромным и не в себе. Вот вообразите себе этого жаждущего крови засранца, а потом добавьте туда еще двадцать кило мускулов и бешенства. Он был просто жутким, и после особенно драматической сцены, разыгравшейся на хеллоуинской вечеринке у Тревога Уолкотта, мне резко понадобился новый бойфренд.

В ту ночь вся моя жизнь пронеслась у меня перед глазами. Мне очень нравился Тревор. Он был у нас новеньким, и его разведенная мама разрешила ему устроить огромную вечеринку на Хеллоуин. Она пыталась таким способом загладить то, что ушла от его отца и посреди учебного года перевела Тревога в новую школу. Тревор был крутым, аж дымился – у него были подведенные черным глаза, черные волосы, черные ногти, спальня, увешанная плакатами The Crow, и-он-рассказывал-что-принимает-литий-от-депрессии-и-самопорезов-в-

первую-же-минуту-вашей-встречи. О-о-о, темный страдалец.

Я твердо собиралась вытрахать из него всю эту фигню на этой вечеринке. Единственной проблемой было, что технически я все еще была подружкой Рыцаря и опасалась, что, если расстанусь с ним, некоторые части меня будут обнаружены потом в холодильнике в подвале.

В приступе гениальности я придумала, что решением всех моих проблем станет записка Рыцарю, что у нас все кончено, и ее надо оставить у его мамы по пути на вечеринку. Это избавит меня от обязательств по отношению к нему, если Рыцарь узнает, что я оттрахала Тренора на полу в ванной. Ведь мы уже несколько часов как формально расстались к тому моменту, как я открыла для себя негативное побочное воздействие лития на сексуальную сторону жизни.

«Ну, сам подумай, Скелетон. У твоей мамы было извещение в письменном виде».

Из меня вышел бы чертов юрист – мое алиби было нерушимым.

Ну, и получилось так, что Рыцарева мама, похоже, телепатически передала ему мою записку, потому что я не успела даже допить то разведенное водой пойло, которое налили мне в пластиковый стаканчик на этой вечеринке, когда услышала приближающийся рев мотора Рыцарева монстра, который нельзя было спутать ни с чем другим.

Черт.

К известной фразе борись-или-беги надо сделать добавку замри, потому что, когда я услышала отзвуки этого рыка, моя задница застыла, как дурацкая мама Бемби... прямо перед тем, как ей откусили голову.

Рональд МакНайт – этот восставший из ада – пришел за мной, а я только и могла, что визжать про себя где-то в глубине своего парализованного ужасом тела.

«Беги! Прячься! Ты сейчас сдохнешь, тупая идиотка! И никто из этих анемичных эмо тебя не спасет! Беги! Беги!»

Но мои ботинки со стальными носами, казалось, были налиты свинцом... И мой шлюховатый костюм тигрицы все больше напоминал какую-то глупую шутку. Кого я тут пыталась обмануть? Я не была хищником. Я была беззащитным олененком, которого вот-вот зарежут.

Все, что я могла, это стоять у входа в дом Тревора, сжимая в руках ярко-красный пластиковый стаканчик, и ждать, замерев, как олень в лучах фар, еще до того, как эти фары появились.

Может, он не убьет меня прямо тут, на глазах у стольких свидетелей? Может, он меня не совсем убьет... Может, он меня не совсем убьет...

Все произошло так быстро, что потом, когда я прокручивала в голове эти события, они представляли чередой быстро сменяющихся застывших кадров, как медленно прокручиваемый мультфильм.

Адский монстр Рыцаря, как летучая мышь из преисподней, влетел в тупик, где стоял дом Тревора. Пассажирская дверь распахнулась еще до того, как это чудовище полностью затормозило, и Энджел Альварез, та самая крыса, с которой он мне изменял, вылетела оттуда и кинулась на меня, визжа мое имя и размахивая руками, словно они были в огне.

Сердце ударило мне в ребра, как бы крича: «Если хочешь, стой тут и сдыхай, а я убегаю ко всем чертям!»

Мой рассудок разрывался между страхом немедленной мучительной смерти и смущением, почему Энджел собирается убивать меня, если она трахается с моим бойфрендом. Мое тело застыло и напряглось, готовясь к удару, потому что Энджел с ее красными глазами и оскаленными зубами все приближалась. И тут мои глаза расширились от шока, потому что она споткнулась о бордюр и шлепнулась мордой вниз прямо к моим ногам, которые, казалось, так и вросли в землю.

И прежде чем мои тупые мозги отметили тот факт, что я все еще продолжаю стоять, визжащее, брыкающееся, плюющееся тело Энджел поднялось передо мной в воздух и поплыло назад, словно кто-то включил этот мой кошмар на обратную перемотку.

Какого черта?

И пока мои расширенные зрачки не заметили очертаний крупной темной фигуры, сующей ее извивающееся туловище обратно в машину, я не понимала, что это Рыцарь подобрал свою психопатическую подружку с асфальта, пока она снова не кинулась на меня. Наконец-то все его стероиды на что-то сгодились, и он сумел затолкать эту сифилитическую дьяволицу обратно в кабину своей монструозной машины.

Глядя, как они удаляются, я начала медленно осознавать, что, похоже, не умру. Стараясь притвориться, что не надула от страха в штаны, я драматическим жестом швырнула свой стаканчик на землю – ну, когда смогла снова шевелить руками – и закричала им вслед: «Что это была за херня, Энджел?»

Я тебе скажу, Дневник, что это было. Это было божественное вмешательство. Энджел Альварез была крепкой драчуньей из трейлерного поселка, накачанная смесью Ред Булла и кристалл-мета. У меня не было ни малейшего шанса. Меня бы раздавили на месте, если бы не благословенное вмешательство моего ангела-хранителя, который не побоялся этой суки с таким неподходящим именем – Энджел.

После этой истории я решила, что мне нужно найти кого-то, кто может посылать глазами лазерные лучи. Я надеялась, что это будет Тревор, но, учитывая, что он не смог даже выдавить спермы из собственного члена, когда мы развлекались тем вечером у него в ванной (чертов литий), стало ясно, что мне срочно нужен новый план.

И этот план возник на следующей неделе, когда девочка из класса социальных наук, услышав про мой почти смертельный опыт на вечеринке Тревоора, решила поиграть в сваху. Оглядев мою частично бритую голову, ботинки и отчаяние, она сказала мне, что Харли Джеймс, тот самый Харли Джеймс, сейчас пока живет у своей мамы. (Надо же! Как загадочно!) И так вышло, что дом его мамы как раз находится по соседству с ее домом.

С грустной улыбкой она написала номер его мамы на моей парте. В тот момент я решила, что ее печальное выражение было способом показать, как ей жаль меня в моей текущей ситуации. Теперь-то я знаю, что она чувствовала себя виноватой, знакомя меня с этим полнейшим разочарованием, которое звали Харли Джеймс.

* * *

Тем же вечером я дрожащими руками набрала восемь цифр на телефоне. Сидя в кровати с прижатыми к груди ногами, я обнимала одной рукой коленки, а другой прижимала к уху трубку и, затаив дыхание, изо всех сил пыталась вызвать из небытия кого-то старшего, крутого и без чертовых брекетов.

О боже, я всего лишь дитя, которое звонит взрослому дядьке из спальни в доме своих родителей, в надежде, что он примет секс в обмен на защиту от моего накачанного стероидами, психованного бывшего бойфренда.

И как раз, когда я уже собиралась бросить трубку и выдохнуть в пустую коробку от «Кэмел лайт», я услышала его голос. Голос был глубоким и бархатным, и тон у Харли был обезоруживающе расслабленным и теплым.

Потом я узнала, что он наверняка был просто укурен до посинения, но все равно это был потрясающий контраст с остротой и напряженностью Рыцаря.

Медленные, тягучие переливы Харли были как старая, знакомая дорога, покрытая гравием. Я прямо чувствовала игривую улыбку на его лице и видела пустое место у него на коленях, где бы я могла свернуться и дать ему возможность защитить меня от опасности своими мощными мужскими руками.

Истерика Рыцаря после нашего разрыва была такой апокалиптически яростной, что моей маме даже пришлось три дня не пускать меня в школу после особенно буйной истерической сцены с визгом и криками, которую он устроил под дверь моего класса по испанскому языку.

Так что этот мужчина, Харли, был именно тем, что мне нужно. В моем представлении он был Минотавром пяти метров росту с рогами, как у дьявола, дышащим напалмом, способным вышибить из Рыцаря кишки, только шевельнув своим гигантским, покрытым венами членом. Но теперь, говоря с ним по телефону, он виделся мне тягучим, кристаллизированным, медленно текущим медом. Мммм...

Несмотря на, а может быть, из-за горловой неспешной растяжки Харли мой желудок стянуло узлом, а кожа покрылась мурашками с головы до пят. Что со

мною такое? У меня закружилась голова. Я была возбуждена, но расслаблена, желанна, но не подчинена, и я флиртвала, ничего не боясь.

До сих пор я не отдавала себе отчета, в каком постоянном напряжении я находилась рядом с Рыцарем. Всегда, когда мы были с ним вместе, я подсознательно изучала окрестности на предмет подручных средств защиты и поисков потенциальных путей отступления. Это было как отношения с усыпленным тираннозавром – ну, или со скинхедом, который начал принимать сильные стероиды.

Слава богу, что Харли не мог меня видеть, потому что я сидела с идиотской улыбкой до ушей, красными щеками и дергающимися пальцами и изо всех сил старалась не верещать от счастья.

После того как я нервно согласилась встретиться и выпить кофе (Кофе! Как взрослые!) и, заикаясь, осторожно попрощалась, Харли нанес свой последний удар.

Когда он начал прощаться, я сидела, прикусив губу и сдерживая восхищенный девчачий визг. Я только надеялась, что он быстро округлится, потому что чувствовала, что восторженное хихиканье вот-вот прорвется сквозь мои сжатые челюсти, но Харли Джеймс ничего не делал второпях.

Прошло, как мне казалось, несколько часов, пока я выслушала все то, что казалось мне самоуверенным я-ее-заполучил с улыбкой на том конце, прежде чем Харли пропел своим хрипло-сексуальным голосом: «Доброй ночи, Леди».

Ваааау!

Как только в трубке раздался щелчок, я превратилась в хихикающую, вертящуюся, дергающуюся кучу гормонов. Харли чертов Джеймс – легендарный плохой парень, мифический крылатый грифон секса и протеста – назвал меня Леди!

Леди!

Конечно, в стиле настоящего плохого парня, мой рыцарь в сияющих штанах-бандаж[1 - Если вы не знаете, что за фигня штаны-бандаж, то это такое жуткое полиэстровое кошмарище с петлями, завязками и молниями во всех местах. Их не использовали для настоящего бандажа. Это больше помеха нормальному сексу, но в конце 1990-х ничто не могло возбудить меня быстрее, чем вид шикарного парня с ногами, припутанными одна к другой.] оказался наркозависимым уродом с отвислой челюстью, живущим в подвале у своей мамы, он не мог даже высидеть татуировку от начала до конца, не говоря уже о выпускном экзамене. Но, поскольку эта история должна побудить Кена сделать что-то, кроме прививки от гепатита С, то я напишу там для его развлечения кое-что другое...

10

Кен знакомится с Харли моих фантазий

СуперТайный Дневник, Который Кен Не Должен Увидеть Никогда Ни За Что (СТДККНДУНЗЧ)

- Харли, ну я правда не могу. Сегодня никак.

- Ну пожааааалуйста? Я клянусь, ты в этот раз будешь дома еще до отбоя. Вот прямо на мизинчиках клянусь. Я даже захвачу пива с работы и куплю ужин по дороге домой. Ну приезжай. Ну пожалуйста-пожалуйста?

Мало того что Харли был всем известным плохим парнем. Ему было двадцать два, и он работал в винном магазине. Для семнадцатилетней ученицы выпускного класса в конце девяностых это было почти то же самое, что встречаться с Джорданом Каталано.

- Харли, ну я не могу. Мне надо написать адреса на приглаительных к выпускному, а то мама меня убьет. Она месяцами просила меня это сделать, а я

откладывала, чтобы тусить с тобой.

Харли хмыкнул в трубку.

Обычно меня было легче уговорить, и я видела, что он начинает раздражаться. Харли Джеймс не привык убеждать девушек сделать что-то плохое, но я уже и так была в одном проступке от потери машины, а это наказание было хуже смерти для семнадцатилетки, живущей в пригороде без общественного транспорта.

Харли был блондином с голубыми глазами, детским лицом и телом парня, который отсидел небольшой срок за угон машины, изо всех сил тягал там железо, а потом, выйдя, немедленно покрыл свеженакаченные мускулы плотным слоем татуировок с пламенем и деталями автомобилей. И при всем том Харли был игривым, кокетливым и легким в общении. К несчастью, настолько легким, что не относился ни к чему всерьез, включая «комендантский час» и угрозы моих родителей в случае его нарушения. Харли был чертом в воскресной шляпе.

– А ты бери эти приглашения с собой, и мы подпишем их тут. Я даже сниму с тебя эти твои боты и сделаю тебе массаж ног, пока ты будешь писать.

Ммммм...

Как он и рассчитывал, мой разум тут же устремился в кроличью нору представлений о том, что еще он может сделать, сняв с меня ботинки. Харли наверняка достало мое выдрючивание, как будто я не собиралась дать ему то, чего он хотел, потому что, не успела я прийти в себя от мечтаний и подобрать слюни, как он применил свое секретное оружие.

– Леди, я соскучился.

Бум! Вот оно. Козел.

Хотя мы с Харли на протяжении недель встречались почти ежедневно, надо признаться, я тоже по нему соскучилась. Он был таким легким и радостным. По контрасту с тяжелыми перепадами настроения, которые мне пришлось выносить, терпеть, а иногда с трудом переживать во время отношений с

Рыцарем, с Харли я ощущала себя так, словно плавала в нежно-голубой сахарной вате. Он улыбался. Он смеялся. Он смешил меня. Когда я что-то говорила, он смотрел на меня так, словно вокруг моей головы порхали мотыльки и сияли солнечные лучи. Рыцарь тоже внимательно смотрел на меня, но это было больше похоже на то, как голодный ягуар смотрит на газель. А Харли смотрел на меня так словно я была чертова Мона Лиза – с гордостью, радостью и невозможностью поверить, что я и вправду принадлежу ему.

Я вздохнула в трубку и неохотно согласилась.

– Ладно. Но ты будешь облизывать марки.

– О, да я оближу гораздо больше, чем марки.

Спустя три часа я лежала, распростершись на полу в гостиной у Харли, и подписывала пригласительные, чувствуя себя в относительной безопасности за воображаемой стеной целомудрия. Гостиная Харли была перегороджена посередине горой коробок от китайской еды, пустыми сигаретными пачками, пустыми банками из-под пива, подушками, коробками от видеокассет, ручками для каллиграфии и невысокими стопками подписанных приглашений. Все это отделяло меня от той искусительной горы мускулов, покрытых татуировками, которая пялилась на меня с дивана весь вечер.

Когда мы встретились, Харли жил в маленьком бунгало, который снимал у своего дяди. Тот разрешил ему украшать жилище, как захочется. Так что там все было утыкано неоновыми вывесками, которые Харли тырил из винного магазина, где работал, а, в общем, больше ничего там и не было. Это был черный холст, к которому я мечтала приложить руки. Не знаю, действительно ли Харли этого хотел или он просто надо мной смеялся, но он покупал все, что я хотела поместить в этот дом. А через несколько месяцев он даже попросил меня разрисовать стену в его спальне. Я умела рисовать и могла вполне достойно изобразить все, чего бы он ни пожелал.

Когда я спросила, что он хочет увидеть на рисунке, он просто ответил: «Нас», улыбаясь той широкой улыбкой, от которой я сходила с ума.

Зная вкусы Харли, я нарисовала краской из пульверизатора сплетение букв его и своего имен агрессивным остроугольным шрифтом. Это заняло всю стену над

черным кожаным изголовьем кровати, которое я выбрала недели назад. Я выбрала цвета, похожие на оттенки пламени на его татуировках, – красные, оранжевые, желтые и ярко-синие. И всякий раз, когда я видела эту стену, мой желудок сжимался при воспоминании о визге, щекотании и возне в краске, которую мы устроили до того, как превратиться в полностью покрытые краской два тела, катающиеся по покрытому защитной пленкой ковру.

Почувствовав, что я почти закончила с приглашениями, Харли осторожно подкрался ближе и начал перелистывать стопку уже готовых.

– Черт, Леди. Эта херня выглядит жутко профессионально. Что ты делаешь в этой дурацкой школе? Переезжай ко мне и зарабатывай этим на жизнь! – И он просиял, как будто это была лучшая в мире идея, которая когда-либо приходила кому-то в голову.

Я покраснела и продолжила работать, делая вид, словно не впала в экстаз от тех слов, которые только что вылетели у него изо рта.

– Спасибо за предложение, Харли, но за каллиграфию очень фигово платят.

Рассмеявшись, он провел пальцами по надписи на одном из (к счастью, уже высохших) конвертов.

– Где ты научилась так писать?

– Моя мама преподает рисование. Она научила меня каллиграфии, когда я была еще маленькой, чтобы я помогала ей писать открытки на Рождество. – Я показала рукой на кучи бумаги вокруг нас. – А теперь я ее сучка.

Харли ткнул меня под ребро углом конверта, которым восхищался.

– Нет, ты моя сучка, – сказал он с широкой усмешкой, сияя глазами.

Когда он был так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его тела, и тепло, излучаемое всеми его словами, мне было очень трудно сосредоточиться. А надо было все закончить и ехать домой. Закончить – и домой. Если я не уеду через пятнадцать минут, моя задница останется без машины и будет безвылазно

сидеть в унылом пригороде весь следующий месяц.

Пока я яростно пыталась прорваться через оставшуюся кучку приглашений, не обращая внимания на электризирующее присутствие Харли в сантиметрах от меня, он аккуратно перебирал конверт за конвертом, внимательно их изучая и перекладывая.

Через несколько минут он восхищенно сказал:

– Не, ну у тебя прям талант к буквам. Ты их любишь, а? Как вот с моей стеной. Я тебе сказал – рисуй все что хочешь, а ты нарисовала буквы.

Это было так мило, так заботливо. Он открыл глаза, на секунду замер – и увидел меня. Кто бы подумал, что этот Харли «Веселье и Игра» Джеймс может быть таким пронизательным?

После этого небольшого замечания Харли безраздельно завладел моим вниманием. Я подняла голову и ответила:

– Ну да, наверно. Я люблю писать, и мне кажется, что, используя разные шрифты и дизайн, я могу сделать красивее то, что хочу сказать.

Не отрывая своих игривых ярко-голубых глаз от моих темно-зеленых, он ухмыльнулся.

– Ну, если только ты не пишешь собственное имя. Нет способа сделать тебя еще красивее.

«Ос-споди, Харли! Ты заставляешь меня краснеть!»

Никто никогда не делал мне комплиментов так искренне и так часто, как Харли. Я даже не знала, что ему отвечать. Все, что он говорил, было прекрасным и очень личным. Он хвалил то, в чем я не была уверена, или то, чем я тайно гордилась. Это не какая-то там фигня, ты-классно-выглядишь. Каждое его высказывание было как раз идеальной формы и размера, чтобы заполнить ту потребность, которая у меня в этот момент была. Только вот в тот конкретный момент единственной моей потребностью был неутолимый свербеж между ног.

Наше близкое расположение на полу стало по-настоящему туманить мой рассудок. Если бы Харли оставался на диване, за мусорной стеной моего целомудрия, как я его и просила, может быть, я бы уже закончила с приглашениями.

Я решила бороться с флиртом другим флиртом.

– А вот сейчас и посмотрим. Дай-ка руку.

Подняв бровь и слегка улыбнувшись, Харли протянул мне правую руку. Я принялась за дело, поглаживая его ладонь большим пальцем и работая у него на костяшках готическим шрифтом. Когда я отпустила его, он повернул ладонь, чтобы полюбоваться на слово ЛЕДИ, которое я написала на ее тыльной стороне. Выражение его лица за одну секунду изменилось с любопытного на восторженное, а затем на шkodливое. Он быстро разжал и снова сжал кулак, на этот раз поймав в него мою рубашку, за которую притянул меня к себе на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Если вы не знаете, что за фигня штаны-бандаж, то это такое жуткое полиэстровое кошмарище с петлями, завязками и молниями во всех местах. Их не использовали для настоящего бандажа. Это больше помеха нормальному сексу, но в конце 1990-х ничто не могло возбудить меня быстрее, чем вид шикарного парня с ногами, припутанными одна к другой.

Купити: https://tellnovel.com/iston_bibi/44-glavy-o-4-muzhchinah

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)